

1958 №6

Яков Резник

Ржа брони не источит

Повесть

«»

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
Первой в городке проснулась окраина. Еще не успела растаять сизая дымка тумана, а приземистые домики уже хлопотливо стучали ставня¬ми, хозяйки раскрывали сараи, распахивали калитки в оградах, и разно¬мастные крутобокие коровы, громко мыча, потянулись на пастбище.
Протяжно скрипнула дверь белой, крытой соломой хатки. На ее по¬роге остановилась молодая женщина. Простое, пестрое, давно сшитое платье плотно облегало стройную фигуру. Каштановые волосы спустились до пояса. Тонкими быстрыми пальцами женщина заплела косы, закрутила их венком и несколько минут глядела на расплавленный, причудливо меняющий окраску горизонт.
— Какой хороший день, и приедет Леша! — прошептала она ра¬достно.
Легко ступая босыми ногами по половицам, женщина вернулась в комнатку. Двое детей, мальчик и девочка, крепко спали. Мать тихо оделась, взяла хозяйственную сумку и направилась на базар.
Автобусы еще не вышли из парка, и до базара пришлось пройти километра четыре. К ее возвращению солнце поднялось высоко и ды¬шало зноем. Несмотря на усталость, женщина шла быстро, с улыбкой

наблюдая за воробьиной возней на дороге, вдыхая аромат цветущих садовых деревьев, поднимающих над заборами и плетнями развесистые кроны. Когда свернула в узкий извилистый переулок на окраине, ее ок¬ликнули:

— Доброго здоровья, Надежда Павловна! Изморились вы. Посидите со мной — под сиренью такая благодать.

— Здравствуйте, Мария Тихоновна! С удовольствием бы, да време¬ни мало. Сегодня день рождения Светочки, боюсь не управиться до при¬езда Алексея.

Маленькая, сухая старушка с морщинистым лицом приблизилась к плетню.

— Поздравляю вас с именинницей. Дай бог вам, детям и мужу ва¬шему счастья и здоровья!

— Спасибо, Мария Тихоновна. И вам желаю здоровья,— ответила Надежда Павловна, собираясь идти дальше.

—Подождите маленько, у меня кое-что припасено для Светочки. Старушка мелкими шажками засеменила в домик и тут же вынесла

большой букет свежей, должно быть в это утро срезанной сирени. На¬дежда Павловна раскрыла сумочку, чтобы расплатиться.

— Нет, нет, от вас я и гроша не возьму! Вы для меня столько сде¬лали...

— Что вы, Мария Тихоновна! Ничего я особенного не сделала. А эти рубли вам очень нужны, я знаю,— и, ласково отстранив руку старушки, она положила в карман ее фартука деньги.

С продуктовой сумкой в одной руке и букетом сирени в другой На¬дежда Павловна подходила к своей хатке. Не успела раскрыть калитку, как донесся веселый детский смех. Внезапно что-то зазвенело, и смех оборвался. Мать вбежала во двор.

— Что, мои помощники, натворили?

Белокурая головка мальчика виднелась из-под стола. Он старательно собирал осколки разбитой стеклянной банки. Девочка смущенно смот¬рела на мать.

— Вылезай, Сашок! Ты босой, наступишь на стекло. Я уберу.

— Я сам, мамочка. Ты меня извини, пожалуйста.

— Ничего, сынок, бывает. Зато столько посуды со Светочкой вымыл. Надежда Павловна подошла к дочке, поцеловала ее в пухлую блед¬ную щечку.

— Поздравляю тебя, Светонька, с днем рождения. Цветы тебе от Марии Тихоновны, а мой подарок увидишь позднее.

— Я знаю, голубое платье с оборками!— весело воскликнула девочка.

Первым оделся Саша. Поправляя на нем шелковую трикотажную рубашку, Надежда Павловна просила не пачкать ее и быть осторож¬ным у поезда.

Проводив сына, Надежда Павловна приготовила обед, нарядила Светлану в новое голубое платье, а себе разгладила белое, шелковое: «Алеша любит это платье».

То и дело девочка заводила разговор об отце.

— Папочка обязательно приедет?

— Обещал, Светонька. Наверно, спешит к тебе сейчас.

—Обещал, а его все нет. Может быть, на самолете прилетит? — Нет, он поедет на пароходе, а потом на поезде.

— А какой подарок он мне привезет?

— Самый лучший.

— Сашок не спутает поезда?

— Не волнуйся. Он встретит папу,— отвечала Надежда Павловна, а сама который раз подходила к накрытому столу, машинально передви¬гала тарелки, все чаще поглядывала на часы.

Уже перевалило за полдень, когда Светлана вбежала со двора с те¬леграммой в руке.

— Почтальон принес! От дедушки, наверно.

Мать надорвала бланк, прочитала телеграмму, побледнела.

— Папа поздравляет тебя с днем рождения, Светочка. Горячо це¬лует. Он не может приехать.

— Почему не может? Отчего не может?— девочка разрыдалась.— Я так хотела видеть папу, а он опять не может...

— Ты же знаешь, моя умница, папа тебя очень любит,— Надежда Павловна прижала к себе дочку.— Только ему нельзя теперь уезжать из лагеря.

Светлана плакала все тише. Успокоившись, она попросилась к по¬дружке. Надежда Павловна отпустила

дочь и с болью оглядела ком¬нату. Все было в ней празднично. Семья ждала отца и мужа. И оттого, что он не приехал, сделанное потеряло смысл. Зачем она сидела ноча¬ми над разными вышивками. Торопилась к приезду мужа еще чем-ни¬будь украсить их тесный, мало приспособленный для жизни уголок. А теперь все ей казалось пустым и ненужным.

Невеселые мысли прервал скрип дверей. Вошел Саша.

— Так вот как ты встречал папу!

Новая шелковая рубашка была в грязи, ворот расстегнут, ни одной

пуговицы на месте, левая штанина у колена порвана. На подбородке и щеке — свежие царапины.

Честное слово, я все поезда встречал. Папа не приехал. А это,— его светлые глаза глядели на нее прямо и честно,— это я за себя и за тебязаступился, мамочка.

— Не понимаю, за меня, за себя...

Сын потупил взор и, чуть не плача, быстро проговорил:

— Я тебе не могу сказать... Не спрашивай. Потом... Когда-нибудь...

Она не стала допытываться — не захотела показать своей тревоги.

Как ни старалась в тот день Надежда Павловна, она не могла вер¬нуть детям праздничного настроения. Они ходили опечаленные и чуть только смерклось легли спать.

В домике все стихло. Надежда Павловна присела на кушетку, заду¬малась о том, что с утра ей нужно перебрать и пересушить зимние вещи, днем свести Светлану в город, к врачу, который велел проверять ее три раза в месяц, да еще зайти в школу за учебниками Саше. А еще?.. Сон одолевал, не давал вспомнить что-то важное.

Проспала она недолго. Ее словно толкнули, заставили вскочить. «Что это? Неужели мне показалось?» Она подошла к Свете. Девочка дышала ровно. Но Надежда Павловна снова услышала стон, который разбудил ее. Стон доносился из кухни. Она выбежала туда.

— Сашок, милый, ты плачешь? Ты заболел? Поднимись, сядь рядом. Тебя кто-нибудь обидел?

Мальчик приподнялся, обхватил руками ее шею.

— Мама! Мамочка! Папа... это не мой папа?

— Что ты говоришь, Сашок? Кто тебе сказал такое? Он уткнул мокрое лицо в ее грудь:

— Я шел со станции... На улице было много ребят. А Ванька сказал о тебе такое, нехорошее... Я с ним подрался. Зачем... зачем он лжет?

Похолодевшими пальцами она гладила мягкие волосы Саши и не

знала, что ответить. Память воскресила подробности давно ушедшего дня.

...Монастырская роща вблизи железнодорожной станции Локоть. Здесь спрятались жители окрестных селений, чтобы избежать отправки в Германию. Ранним сентябрьским утром гитлеровцы обнаружили укрывшихся в лесу и начали расправу. На глазах у Нади убили ее сестру.

Когда каратели готовились уничтожить вторую группу людей, среди ко¬торых была восемнадцатилетняя Надя, невдалеке послышался гул мо¬торов и лязг гусениц. Это были танки Уральского добровольческого танкового корпуса. Пришло спасение.

Но многим не суждено было встретить освободителей. Среди уби¬тых, лицом вверх, лежала молодая, с раскрытыми остекленевшими гла¬зами женщина. Около нее ползал двухлетний полуголый мальчик. Он испуганно глядел в лицо матери и жалобно, настойчиво просил: «Ма... Стань!»

Усатый пожилой танкист поднял ребенка, хотел успокоить, но тот ост¬рыми ноготками вцепился ему в лицо, оттолкнулся ножками, сосколь¬знул на землю и снова стал ползать около матери, голося охрипшим голосом.

Спазмы подступили к горлу Нади. Она подошла, хотела взять ре¬бенка, но в это время молодой офицер присел к мальчику и будто взрослого, попросил: «Помоги мне поднять маму. Сумеешь? Мы маму на танк положим, домой отвезем». Перестав голосить, мальчуган боль¬шими голубыми глазами уставился на офицера, шмыгнул носом и не¬ожиданно для всех, обхватив худую загорелую шею лейтенанта, довер¬чиво припал к нему.

— Он к тебе, как к родному пошел, Киреев,— заметил пожилой танкист и, повернувшись к Наде, спросил: — Вы знаете, отец у маль¬чика есть?

Нет у него отца, погиб, в партизанском отряде был сбивчиво рассказывала она.— А нынче всех родных Сашеньки расстреляли.

— Всех?! — не то переспросил, не то повторил для себя лейтенант и еще крепче прижал малыша, который грязными пухлыми пальчиками трогал медали на его груди.

Киреев приказал танкистам своего взвода помочь жителям убрать трупы, а сам поспешил отойти с мальчиком подальше от его матери. Надя пошла вслед за ними, понимая, что офицер долго не сможет оста¬ваться здесь. Когда танкистам подошло время трогаться в путь, Са¬шенька ни к кому не захотел пойти от лейтенанта, только к ней. Про¬щаясь с мальчиком, Киреев обратился к Наде:

— Я хочу попросить вас. Если вы можете... возьмите его к себе. На время. Я буду помогать.

— Возьму,— решилась она.

Надежда Павловна вспомнила свое возвращение с Сашенькой в родной приволжский город, откуда она летом 1941 года уехала погос¬тить к сестре.

Сколько ночей она не спала, когда Сашенька заболел воспалением легких! Пустяковый синяк на теле мальчика и тот приво¬дил ее в трепет... Вот она первый раз в жизни взялась шить мальчику штанишки из своей поношенной шерстяной юбки. Отец не мог спокойно глядеть, как она мучилась над кройкой, и принялся помогать. Но все равно одна штанина оказалась короче другой. Надя чуть не расплака¬лась, надев штанишки на Сашеньку, но мальчик так забавно захлопал в ладоши, что и они с отцом рассмеялись.

Лейтенант Киреев ежемесячно присылал деньги на воспитание ре¬бенка. Однажды он вложил в письмо свою фотокарточку с надписью: «Дорогому сыночку Сашеньке». Надя приколола фотографию к коврику над кроваткой и внушала мальчику, что это его папа и его надо крепко любить. Когда кто-нибудь спрашивал, что это за дядя, Саша гордо от¬вечал: «Мой папа, он флантик»- так он выговаривал слово «фронто¬вик». Через некоторое время Киреев попросил фотокарточку Саши. На¬дя повела мальчика в фотографию, но он никак не хотел сидеть один перед аппаратом, и ей пришлось взять его на руки. Киреев горячо бла¬годарил ее за снимок. «Я теперь не один, со мною вы и сынок».

В своих письмах Алексей был очень сдержан. Лишь раз он позволил себе написать: «Я часто мечтаю, как буду жить после войны с Сашень¬кой, и мне хотелось бы, чтобы у него была такая мать, как вы, Надюша». Ей были приятны эти строки. Вместе с тем письмо обеспокоило де¬вушку. Она боялась: Киреев приедет, заберет Сашу. И она подбирала самые убедительные слова, чтобы при встрече уговорить лейтенанта навсегда оставить мальчика у нее.

Через год они встретились, и ей не пришлось его уговаривать.

Алексей и Надя стали для Саши отцом и матерью. Они думали рас¬сказать мальчику о прошлом, когда он подрастет и сумеет все правиль¬но понять. И вдруг он узнал сам, не в правдивом, а в искаженном виде. И нет Алексея, нет его поддержки...

Надежда Павловна обняла ладонями лицо Саши, чуть отстранили его голову от себя и, глядя в заплаканные, полные горя и ожидания глаза, думала, как ей поступить...

НЕИСПРАВИМЫЙ

Сумерки, сгущаясь, постепенно овладевали лесом. Сначала с ними слились узкие, протоптанные сквозь чащу дорожки, затем поросшие мхом пни и низкий кустарник. Казалось, сумерки приподнимаются от земли, ползут по стволам деревьев и, достигнув ветвистых вершин, за¬стывают, не в силах затемнить небосвод, на котором загорались первые звезды.

Тихо было на лагерных учебных полях, у сдвоенного строя солдат¬ских палаток. С открытыми люками и поднятыми вверх стволами ору¬дий, словно прислушиваясь к чему-то, стояли в парке танки и самоходки. Легкий шелест листьев да шепот высоких трав на полянах создавали впечатление, будто машины дышат.

В полдень полк возвратился с трехдневных учений, а вечером танки¬сты собрались в клуб посмотреть кинофильм. Разноголосый говор, шут¬ки, смех сливались в неумолчный веселый гул. Даже назойливые кома¬ры не могли помешать гвардейцам насладиться отдыхом.

— Берегись, на посадку идет реактивный!— воскликнул Валентин Щеглов, угловатый высокий рыжий солдат с острым насмешливым ли¬цом, махнул длинной рукой и поймал в ладонь упитанного комара.— Ах ты, подлец, знаешь ведь, на какой аэродром садиться: на носу Зарембы и ширь, и гладь, и отличный харч... Здорово, Василий!

— Привет, Щеглов. Кончился твой отдых?

— Как видишь. А жаль: во-первых, комары там не заедали, к тому же есть слушок, что тебя тоже туда...

— Не знаю. Все может быть.

— А за что?

— Сам не пойму.

— Будто не знаешь. Я под строгим арестом сидел и то расслы¬шал— за девок. Это правда?

— Надо было с гауптвахты сбегать на учения — увидел бы.
— Ты, Василий, не серчай. О тебе рассказывают чудеса, как же мне не восхищаться другом.
— Напеваешь, Валентин, сладко, точь-в-точь комар, а дай тебе при¬сесть— ужалишь.
—Я-то? Не совестно? Да я по тебе на губе во как скучал! Несмотря на общий шум, последние слова Щеглова расслышал близ¬ко сидящий ефрейтор.
— Жаль, что рано вышел. Твое место завтра займет Заремба. Снова скучать будете друг без друга.
— А ты от кого слышал, что будет завтра? Перед тобой, наверно офицеры отчитываются,— съязвил Щеглов, раскрывая в усмешке боль¬шой тонкогубый рот.— Как же! Ведь ты, ефрейтор, их первый помощник...
— Первый не первый, а знаю, что взводный к капитану Кирееву по¬мчался, на всю катушку наказать хочет...
Старший лейтенант Чумак действительно был в это время в палатке командира роты и нервно шагал в тесном промежутке между железной койкой и походным столиком.
В облаке густого табачного дыма круглое полное лицо лейтенанта, его светлые, тщательно приглаженные на косой пробор волосы выглядели пепельно-серыми.
— Не могу я больше возиться с Зарембой, Алексей Матвеевич, не могу. Какую-то неделю он кое-как держался, а теперь опять... Нет, он-таки неисправимый!
Чумак остановился у стола, за которым сидел Киреев, чтобы поту¬шить в пепельнице окурок, и капитан, увидев его холодный неприветли¬вый взгляд, укоризненно покачал головой.
— Вы стали раздражительны, Валерий Константинович, излишне торопливы. Горячность — плохой помощник в серьезном деле. Мои личные наблюдения не подтверждают вашего вывода. Разве по¬следний разговор на собрании не пошел Зарембе впрок? Три дня мы были па учениях, и я наблюдал за тем, как он ведет себя. По-моему, до¬стойно.
— Достойно?! Жалею, что не было вас после отбоя.
— А что?Как только вы уехали в штаб на разбор учений, я со взводом по¬дошел к берегу реки. Танкисты попросились помыться, и я разрешил. Только начали купаться, мне докладывают: «Зарембы не видать ни на берегу, ни в реке». Ну и напугал он меня. Что, думаю, если утонул, от¬вечай за него, разгильдяя... Искали его минут тридцать, ныряли, ходили берегом — никаких следов. Наконец, прибежал старшина Сочнев и гово¬рит, что Заремба распевает по другую сторону реки. Послал я немед¬ленно лодку. И что вы думаете? Сочнев нашел Зарембу в толпе девчат. Он уже успел с ними перезнакомиться... Для меня Заремба — как ржав¬чина в моторе. Одно ему место — на гауптвахте, суток на десять!— за¬кончил Чумак.
— Что ж, дать десять суток ареста, конечно, нетрудно. А не важнее ли повозиться с ним, узнать, где, кем, в каких условиях Заремба воспи¬тывался... Не враг же он себе, в конце концов.
-— Кто его знает, может, и враг!— лицо и шея Чумака побагрове¬ли.— Сами знаете, сколько я намучился с ним. Пытался исправить его и добром, и наказанием. А результат? Или он отмалчивается, или на¬хально требует: «Дайте мне автомашину!» А кто даст, если его за лихачество сплавили из хозяйственного взвода? Ничего, товарищ гвар¬дии капитан, я еще дождусь, что вы сами прикажете мне прогнать его, куда угодно. Это единственный выход.
— Единственный?
Киреев поднялся. Был он сухощав и на полголовы ниже Чумака. Фигура — крепко сбитая, упругая, мускулистая. Веселые, широко рас¬крытые карие глаза глядели с задором. Кожа лица так сильно потемне¬ла от ветра и солнца, что почти незаметны стали пучки стрельчатых мор¬щин у краешков глаз и рта. С первого взгляда можно было подумать, что Киреев ровесник Чумаку, хотя он был на восемь лет старше командира взвода и ему минуло тридцать три.
— Вы сказали, единственный выход?— в голосе Киреева появились недовольные, осуждающие нотки.— Вы снова требуете выгнать Зарембу. Но, если он неисправим, его надо судить, а не сплавлять из одной части в другую.
—Такого, как Заремба, и судить невредно.
— Судить? А за что? Не за то ли, что в хозяйственном взводе не сумели воспитать солдата, что его с первого дня службы одного, без старшего, посылали в далекие рейсы? Или за то, что он непонятен и мне, и вам? Нет, Валерий Константинович, нельзя нам сплавлять Зарембу. Лес сплавляют, а не людей. Но сплавщики и о бревне заботятся, чтобы оно не оторвалось от плота.
Чумак расслабил узел галстука, вытер платком вспотевшую шею. Он почувствовал, что слишком круто

начал разговор о Зарембе, и стал оправдываться.
— Возможно, я кое в чем и ошибаюсь, товарищ гвардии капитан. Да боюсь: испортит он мне других танкистов,— и, посмотрев на часи¬ки, браслет которых туго затянул кисть полной руки, старший лей¬тенант извинился:— Виноват, Алексей Матвеевич, не вовремя я затеял разговор. Пойдемте в кино. Может, успеем.
— Идите, Валерий Константинович, я не могу. Давно получил письмо от жены и не написал ответа. Попрошу вас только — после кино пришлите ко мне Зарембу.
Чумак вышел. Киреев вынул из ящика письмо и стал его перечи¬тывать. Жена сообщала о дне рождения Светланы, о том, что случи¬лось с Сашей. «Признаюсь, Алексей, боялась я откровенного разго¬вора с сыном и рада, что все осталось позади,— писала она.— Саша, мне кажется, повзрослел за последние дни. В ту ночь он не мог уснуть, взял твой фронтовой снимок и долго смотрел на него, о чем-то тихо, одними губами беседовал с тобой...»
Киреев поднял глаза от письма, но видел перед собой не пожел¬тевшее от времени полотно палатки, а краснощекого забавного Сашень¬ку в день приезда к Наде после госпиталя. С трепетом поднимался тогда Алексей по лестнице и робко дотронулся до кнопки звонка. Ему открыл низенький, с клиновидной бородкой старичок — отец Надежды, Павел Иванович.
— Я узнал, узнал вас,— поторопился он предупредить неожидан¬ного гостя, всем видом показывая, что ему не по душе это посещение.— Ни дочери, ни Сашеньки дома нет. И знайте, товарищ лейтенант, маль¬чика мы вам не отдадим!
Растерянный, обиженный, молчаливый, стоял перед стариком Алек¬сей, думая о том, уйти ли немедленно или подождать на улице возвра¬щения Нади. «Уйду!»— сказал он себе и неловко повернулся. Острая боль в раненой ноге заставила его ухватиться за перила лестницы.
— Подождите!— остановил Павел Иванович, поняв, как нетактич¬но отнесся к фронтовику.— Зайдите к нам, Надя обещала скоро вер¬нуться.
Киреев застыл в нерешительности, но потом вошел в квартиру и опустился на предложенный стул. Некоторое время он чувствовал се¬бя скованным в непривычной обстановке, но постепенно разговорился со стариком, успокоил: он хочет только посмотреть мальчика перед возвращением на фронт. Голос лейтенанта, должно быть, звучал ис¬кренне и убедил старика. Тот стал его расспрашивать о родных, и Ки¬реев рассказал, что мать, воспитавшую его без отца, он по выходе из госпиталя не застал в живых. «Так вы, стало быть, совсем одино¬ки?» - «Да, Павел Иванович».
В эту минуту вошли Наденька и Сашок. Киреев поднялся, поблед¬нел, тревога и радость были в его взгляде. Надежда Павловна при¬крыла рукой рот, чтобы не крикнуть, не выдать своего волнения. Лишь мальчик не растерялся. Он деловито прошелся вокруг лейтенанта, дважды заглянул в его исхудавшее, измененное болезнью лицо и вдруг бросился к нему с протянутыми ручонками и уверенным возгласом: «Па-па!»
Смущенный, счастливый Алексей подхватил мальчика... Потом они присели к чемодану, и Алексей стал подавать Саше коробочки с иг¬рушками, кульки конфет. Мальчик прыгал от удовольствия, а Надя глядела на возмужавшее, с ранними морщинами лицо офицера, никак не веря, что это тот самый юноша, с которым она встретилась в Мо¬настырской роще.
Остаток дня и весь вечер мальчик ни на минуту не отпускал от себя Алексея. Они рисовали, а потом лепили из пластилина танки, самолеты, разыгрывали на полу бои. Когда подошло время ложиться спать, Са¬шок потребовал, чтобы его укладывал только папа. Алексей беспо¬мощно развел руками: он даже не знал, как раздевать ребенка. Надя стала помогать.
— Спокойной ночи, сынок,— сказал Алексей, коснувшись губами лба мальчика.
— Поцелуй маму, она тоже спать хочет!— неожиданно приказал Саша.
Молодые люди зарделись, отвели друг от друга глаза, но мальчик настойчиво, капризно повторял свое, пока Алексей не поцеловал На¬дежду.
...Капитан Киреев был так поглощен воспоминаниями, что не рас¬слышал, как скрипнули дверцы в дощатом гнезде палатки и Заремба переступил порог.
Плотный, широкоплечий солдат остановился, склонил голову и выпа¬лил, должно быть, заранее приготовленную фразу:
— Прибыл, товарищ капитан, на очередную головомойку!
От неожиданности Киреев встрепенулся. Посмотрел на танкиста. Две пуговицы на воротнике гимнастерки были не чищены. Незатянутый ремень свисал с живота. Надетый в неположенное время

танкошлем надвинут на прищуренные глаза. Руки, словно лишние, искали место за поясом.
— Почему вошли без разрешения? Зачем надели шлем вместо пи¬лотки? Немедленно приведите себя в порядок, наденьте пилотку и по-уставному доложите о приходе. Кругом, марш!
Заремба неловко повернулся и вышел.
Киреев раскрыл портсигар, зажег спичку, закурил, все еще думая о своем.
Мысли о сыне переплелись с мыслями о молодом танкисте. Вскоре возвратился Заремба. Заскорузлая, с порезами и мозолями на ладони рука приподняла крыло палатки. Хриплый голос произнес:
— Разрешите войти?
— Войдите.
Солдат был в пилотке, с туго затянутым ремнем. Встав по стойке «смирно», он доложил:
—Рядовой Заремба. По вашему приказанию прибыл. Офицер придирчиво осмотрел солдата.
— Вот сейчас можно и поговорить о вашем проступке на реке,— Киреев поднялся, прошелся по палатке.
— Хорошо, что мы живем в мирное время, товарищ Заремба. А если бы это было в бою?!
Заремба переминался с ноги на ногу и молчал. Неожиданно Киреев произнес:
— Я на этот раз вас наказывать не буду. Надеюсь, вы поймете свою вину. Трое суток на учениях, до самого отбоя, вы действовали толково. Значит, можете быть дисциплинированным. Можете стать и, я уверен, станете хорошим танкистом.
Заремба заметно нервничал. Он то поднимал на миг глаза, то снова опускал их. Когда после кино ему велели идти к Кирееву, он был уве¬рен, что командир роты направит его прямо на гауптвахту. Валентин Щеглов успел шепнуть: «Наступай, Вася. Не бойся ареста. У офицеров тормоза сдадут, будешь шофером, а не пешкой заряжающим». С наме¬рением добиться, чтобы капитан Киреев, как и Чумак, махнул на него рукой, шел он в палатку командира.
«Он меня не наказывает... Значит, не отпустит...»— решил Заремба, и прежнее упрямство снова овладело им.
— Меня уговаривать стать танкистом напрасный труд,— сказал он, оторвав взгляд от пола.— С неисправимого какой спрос? Лучше будет, если переведете меня в другую часть по моей старой специальности. Вашей роте могу только ЧП принести.
Выпалив все это одним духом, солдат уставился на офицера. Капи¬тан оставался невозмутимым.
— Хорошо. Постараюсь удовлетворить вашу просьбу,— равнодушно произнес Киреев.— Я сейчас подумал, что вам действительно больше подходит какая-нибудь нестроевая часть.
Брови бойца поползли вверх, глаза расширились от удивления. За¬ремба никак не ожидал такого быстрого решения. Больше всего его поразил холодный тон офицера. Стало даже обидно, что командир говорит о нем с таким безразличием. Но тут же спохватился: показа¬лось, что в глазах Киреева затаилась усмешка. Быстрым движением сняв с головы пилотку, Заремба шагнул вперед.
— Если вы пошутили со мной, товарищ капитан, и не думаете от¬пустить, то повторяю: будет плохо для роты!
Пристально смотрел Киреев на танкиста: «Не прав ли Чумак? Не лучше ли, как советует он, отделаться от своенравного солдата? Его не трудно отправить в другую часть, повод для этого всегда найти можно. Переведут, и в роте не будет нарушителей дисциплины... А что станет с человеком?»
— Советую никогда не прибегать к угрозам. Вы ставите себя в по¬ложение одинокого и беспомощного человека. Однако хватит. Вас, я вижу, бесполезно уговаривать. Вот бумага, пишите докладную записку.
Киреев отошел к этажерке, взял со средней полки первую попавшуюся под руку книгу и, перелистывая ее, незаметно и с любопытством гля¬дел на сопевшего Зарембу. Голова солдата низко склонилась над сто¬лом, пальцы выводили то слишком жирные, то чрезмерно тонкие буквы. Строчки выходили корявые, неровные, а подпись, всегда размашистая, с завитушкой над буквой «З», на этот раз легла на бумагу неуклюжей черепашкой.
Заремба поднялся с табурета. Киреев подошел, взял исписанный лист, не спеша, прочитал.
— Летом переводы из части в часть запрещены. К концу учебного года буду ходатайствовать. Идите!
Заремба будто прирос к месту. Минуту он простоял, потом медленно повернулся и вялой походкой направился к выходу.
«Вот те и на!— глядя ему вслед, подумал Киреев.— Я ожидал, что козлом выпрыгнет из палатки, а он еле ноги отрывает от земли».
Прохладный ночной ветерок лениво прогуливался меж стволов, шу¬мел листвой молодых берез, дубков и осинника. Только на открытой ровной линейке он набрал силы и игриво закружил вокруг солдата,

Заремба вздохнул: «Согласился. Пусть хотя бы к осени, но я снова буду шофером».
Но радости, настоящей, глубокой, почему-то не было. Что-то при¬нижающее достоинство было в этом легком согласии капитана удовлет¬ворить его просьбу и направить шофером в нестроевую часть.

И СМЕХ, И ГРЕХ

Срывая гусеницами щепы с дубовых бревен, танк медленно и не¬охотно сползал с эстакады поста мойки. Он фыркал, выбрасывал из выхлопных труб черные кольца дыма. В другом конце парка машина, еще раз фыркнув, смолкла. Водитель и наводчик занялись осмотром механизмов управления и орудия. Заряжающий начал кувалдой выко¬лачивать глину и чернозем, заполнивший выемки между звеньями гу¬сениц.
Пока весь экипаж работал снаружи танка, Заремба трудился не менее других. Но стоило двум танкистам скрыться в машине, как на солдата напала лень.
— Тоже мне, механизация! — с досадой промолвил он, нехотя ударяя кувалдой по тракам гусеницы. Наконец, он бросил кувалду, побрел за изгородь парка боевых ма¬шин, разлегся в высокой пахучей траве лицом к небу.
А было оно в это утро до того чистое, прозрачное, точно и его об¬мыли водяные струи. Василий мог поспорить с кем угодно, что он видит на большой высоте серебристо-матовую точку. Он напряг зрение и узнал в этой точке неугомонного, быстрокрылого жаворонка, который то за¬мирал, то, стремительно рассекая воздух, поднимался еще выше.
Долго следил Заремба за полетом жаворонка, а когда и это наску¬чило, пошел по парку.
Позади солдата, в лобовом люке машины, показалось широкое, остроскулое лицо механика-водителя, старшины сверхсрочной службы Григория Сочнева. Короткие усы, мягкий взгляд под густыми бровями придавали ему добродушие и сердечность. Он вылез на покатый срез брони, пружинисто спрыгнул на землю.
— Прохлаждаетесь, Заремба?! Хотите воспользоваться тем, что нет командира взвода?
Василий пренебрежительно пожал плечами. Но сердитый гортанный говор наводчика Шота Джавахадзе заставил солдата повернуться ли¬цом к товарищам.
— Ты что, Васа, не слышишь? — возмущался вышедший из машины ефрейтор.— С тобой старшина говорит, понимаешь? Он работать — мы работать!
Длинный, жилистый, ловкий, он стал в такой позе, точно хотел ки¬нуться на непослушного танкиста.
Заремба сощурил глаза, язвительно ответил:
— Молод ты, Шота, меня учить. До наводчика дослужился, а про¬стых вещей не разумеешь: начальник работает — не мешай ему, началь¬ник отдыхает — помогай ему.
— Ух, бессознательный!— крикнул Джавахадзе, рукой рассекая воздух. В иссиня-черных зрачках сверкало негодование.— А если при¬кажут: покажите генералу, какой есть ваш танк, что ответим? Не успели за утро почистить, поздно вечером с занятий прибыли, да? Отвечай, Заремба, будешь экипажу помогать или одиночкой гулять? Как отме¬тишь сегодня наш полковой праздник?
— Как, спрашиваешь? Ты же видел утром, до чего я старался,— Заремба насмешливо сощурил глаза и стал загибать пальцы.— Усилен¬ный завтрак съел — раз, колбаской в ларьке закусил — два, да в добав¬ку запил еще бутылочкой хлебного квасу. Пора тебе знать: для меня тогда будет праздник, когда я перестану копаться в грязи этого вашего танка.
— Вашего, говоришь? — лицо Джавахадзе побагровело. Сочнев встал между ним и Василием:
— Немедленно приступайте к работе, Заремба!
Василий подошел к правой гусенице, поднял скребок и стал сердито стучать им по тракам и каткам.
О гневе Джавахадзе он тут же забыл, а спокойный уверенный голос Сочнева долго звучал в ушах.
С первых дней прихода в роту Заремба невзлюбил старшину сверх¬срочной службы Григория Сочнева. Другие солдаты считали для себя честью учиться у лучшего механика-водителя, группарторга роты. А Ва¬силий чуждался его. «Тоже мне, зеркало жизни,— думал солдат, продол¬жая в душе спорить с Сочневым.— Вчера вечером с умыслом, наверно, полез в трясину, чтобы я зубами соскребал эту грязь, да еще в воскрес¬ный день, да еще в праздник. Ну, что это за праздник!» Он со злостью бросил скребок, тот со звоном ударился о подкрылок и, отскочив, обдал Зарембу грязью. Жирные комочки земли сели бородавками на нос и на подбородок солдата. К большому удовольствию Зарембы вскоре в парк боевых машин прибежал посыльный и передал экипажу приказание командира: немед¬ленно приготовиться к парадному построению.
Большое поле стадиона, вместительная трибуна были в праздничном убранстве. Кумачовые знамена на

возвышении, белые, голубые и пест¬рые спортивные флаги, бегущие друг за другом по круговой дорожке, соперничали яркостью красок с нарядами женщин, занявших боковые скамейки у подножия трибуны.
Из края в край, достигая флангами лесных опушек, стоял неподвиж¬ный и величественный строй полков. До него с тыловой стороны трибуны добежал копытный цокот барабана. Взметнулась над колоннами и рассыпалась осколками команда:
— Полк, смир-на-а-а-а!.. Для встречи слева, под знамя, слушай, на кра-ул!
На южном крае стадиона показалось знамя. Оркестр заиграл встреч¬ный марш. Еще выше поднял знаменщик распахнувшийся на просторе алый шелк. С него прищуренным, теплым, приветливым взглядом смот¬рел на гвардейцев Ленин.
Два ассистента с автоматами на груди и шедший во главе взвода старший лейтенант Чумак вскинули головы. Торжественно строгой была фигура молодого офицера. Он шел размеренно, печатая шаг. Правая рука в белой перчатке в такт шагам вздрагивала у козырька.
Медленно плыло знамя мимо колонны, и вслед за ним незаметно пово¬рачивал голову Василий Заремба. В эту минуту приятно было стоять в строю, видеть, что его командир взвода так красиво идет впереди, что знамя несет не другой танкист, а механик-водитель Григорий Сочнев. На мундире старшины Заремба считал награды. Солнце поблескивало лучами на золоте боевого ордена Красного Знамени, на двух медалях, трех нагрудных знаках «Отличный танкист», на знаке мастера вож¬дения.
Взвод дошел до головной колонны, где стояли командир соединения генерал-майор Хачатуров с заместителем командира танкового полка Мякининым. Знаменщик и ассистенты приставили ногу, и Сочнев опу¬стил древко на землю. По стадиону покатился рокочущий бас команди¬ра соединения; генерал говорил о героях-ветеранах, которые своими по¬двигами в боях прославили танковый полк.
Потом опустился на колено полковник Мякинин. Он бережно взял край алого шелка и приник к нему губами. Кругом настала такая тишина, что слышен был тихий ше¬пот листьев близкого леса.
Коренастый генерал Хачатуров взошел на трибуну. Вслед за ним поднялись штабные офицеры и полковник Мякинин. Высокий, моложа¬вый для своих сорока пяти лет, с энергичными чертами лица, Мякинин выделялся в группе командиров.
— Какой статный наш полковник!— восхитилась какая-то молодая женщина.— Завидная у него выправка, правда?
— Да что выправка! — отозвалась ее соседка по скамье.— У Мякинина перспектива завидная. Полк, можно сказать, за ним останется. Говорят, полковник Целищев уже не возвратится к нам из Москвы.
— Разве?
— Вам это точно известно?
Новость уже начала передаваться по рядам, от одной жены офицера к другой, когда раздалась замедленная, празднично-напевная предвари¬тельная команда:
— К то-о-о-р-жест-венному мар-шу-у-у-у!
Офицеры встали во главе колонн. К трибуне с красными флажками на штыках карабинов побежали линейные. Туда же поспешил оркестр. Вот он повернулся фронтом к командиру соединения, дирижер поднял руку, послышалась команда, и гвардейцы тронулись.
Первым мимо гостей и начальства прошел знаменный взвод. Увидев одобряющий кивок генерала и улыбки женщин, Валерий Чумак был готов еще десяток раз пройтись нелегким строевым шагом, чтобы снова ощутить на себе восторженные взоры. У поворота Чумак не выдержал, скосил глаза к трибуне. К ней приближалась рота капитана Киреева. Танкисты вскинули головы вправо. В их поступи чувствовалась горде¬ливая молодая сила. Только последняя шеренга вихляла. Чумак прику¬сил губу: «Снова, кажется, Заремба!»
Когда рота стала приближаться к трибуне, Заремба выправил грудь, откинул голову назад, повернул ее немного вправо и, забыв, что надо ждать условного сигнала, раньше всех в своей колонне перешел на стро¬евой шаг. так минуту-другую, и вдруг услышал негромкий сиг¬нал голосом: «И-и-и раз!» Поняв, что ошибся, Василий растерялся, дваж¬ды переменил ногу, наступил на каблук впереди идущего танкиста. По¬сле этого он уже не смог войти в ритм, отстал от строя, потом начал его догонять, размахивая на свою беду руками.
Когда трибуна и смех гостей остались позади, Заремба услышал:
Заснул, тетеря! Всех опозорил...Не беги, уж добегался...Василий втянул голову в плечи, стиснул кулаки. Чувство отчужден¬ности, одиночества овладело им.

Как только за спиной Зарембы захлопнулась дверь камеры, он услы¬шал сиплый сонный голос:
— Поздравляю кавалера ордена губы второй степени!
Свет еще не включили, по другую сторону окошка, опутанного ре¬шеткой, густела предвечерняя синева, и в камере гауптвахты стоял полумрак. Когда глаз привык к нему, Василий увидел рыжую голову Валентина Щеглова и на плече белую нижнюю рубаху — она виднелась из-под разорванной гимнастерки.
— Это ты, Валентин? Кто тебя так разделал?
Длинными тонкими ногами Щеглов неуверенно шагнул к товарищу.
— Выпил я, Вася, чуток лишнего хлебнул в деревне. А это,— он вы¬ставил вперед угловатое, с порванным рукавом плечо,— это я подрался из-за девчонки. Познакомился с ней, только стал разговор вести, а тут, как на грех, ухажер ее под руку подвернулся.
— Как ты успел? Ты же в полдень на стадионе был трезвым.
— Дружок-шофер из лесничества домчал меня. Ух, и здорово выпи¬ли!— Щеглов громко зевнул, показал на дверь, выругался.— Черти-дья¬волы! Просил: отоприте койку, дайте поспать, говорят, нельзя, устав...
—А ты составь табуретки и дрыхни,— посоветовал Василий, но Щег¬лов не слушал его.
— Я тут сидел и думал: неужто не встречу Васю, пока не выйду? А ты, брат, молодец, почуял, как мне тошно. Тебе сколько дали?
— Трое.
— Простого, конечно. А мне еще не объявили. На сей раз, видать, су¬ток пятнадцать всыпят строгого.
— Не пей — не всыпят — беззлобно посоветовал Заремба и устало опустился на табурет.— Праздник сегодня общий, а никто, кроме тебя, не пьян.
— А, может, у меня больше, чем полковой праздник. Сегодня вели¬кая годовщина появления на свет непризнанного летчика Щеглова!
— Умора! Не ты ли месяц назад говорил: «Пойдем, выпьем, надо же отметить день рождения...» Видать, ты двенадцать раз в году рождался.
Щеглов ухмыльнулся.
— Я тебе говорил? Ишь ты, какой памятливый. Талант...
Над дверью загорелась лампочка. Свет скользнул по низкому потол¬ку, выхватил из мрака продолговатое, сизое и мятое лицо Щеглова, с уз¬кими щелками глаз и плохо выбритым подбородком.
— У тебя действительно талант. Врать ты здорово обучился, будто на сцене играешь.
Ехидная улыбка появилась на лице Щеглова.
— Ну, уж тебя-то мне не переиграть. Ты возле трибуны так класси¬чески притворялся, что я против тебя все равно что муха.
— Притворялся! — Заремба вскочил, схватил табуретку.— Замолчи, недоделанный летчик, а то я тебе крылья укорочу.
Щеглов вздрогнул, попятился в угол. Василий брезгливо посмотрел на отступающую жалкую фигуру, опустил табурет и отвернулся.
Чувство горечи, пережитое на стадионе, возвратилось к Зарембе. Сердце заныло так же, как в те минуты, когда он с поникшей головой стоял перед командиром роты и тот его отчитывал за промахи у три¬буны. Надо было признать свою вину или в крайности промолчать. Но озлобление против нелюбимой службы в экипаже, против танкистов, ко¬торые подшучивали над ним после парада, взяло верх над рассудком, и он стал дерзить командиру, пока не добился трех суток ареста.
Всю ночь Заремба вертелся на голых досках. Не столько жесткое ложе, сколько мрачные мысли долго не давали ему уснуть.
Незадолго до подъема его стал тормошить Щеглов. То ли он не пом¬нил вчерашней вспышки Василия, то ли хотел сгладить свою вину перед товарищем.
— Покурим, Вася, пока часовой не подсматривает в глазок. Он ду¬мает, мы еще спим.
От Валентина все еще несло перегаром самогона, и Заремба отвер¬нулся к стене.
— Обижаешься? Я, наверно, глупости вечером наговорил? Бери, за¬куривай. Махорка у Валентина всегда найдется.
Щеглов вертел папиросу возле самого лица Зарембы. Ноздри Васи¬лия приятно щекотал сладковатый, с еле уловимой кислинкой аромат. Ему не терпелось скорее затянуться запрещенной на гауптвахте и потому еще более желанной папироской. Вскочив с койки, он стал расклады¬вать во всю ее длину

шинель.
— Маскировка номер один,— усмехнулся Щеглов. Со стороны дейст¬вительно могло показаться, что под шинелью продолжает лежать чело¬век.
Они отошли к стене, в укромное местечко, недосягаемое для глаза часового. Щеглов показал, как он прячет в сапог, под стельку, махорку и спички, приятели с удовольствием покурили и помирились.
Издалека в камеру донесся ослабленный расстоянием, но все такой же ощутимо-веселый звук горна.
Пришел сержант, помощник началь¬ника караула, произвел утренний осмотр, поднял к стенам и закрыл на замок койки, отобрал шинели. После перекура и умывания на душе у Василия полегчало, и он начал посередине камеры делать зарядку.
— Тебе не надоело ежедневно руками махать?— спросил Щеглов.— Давай лучше я тебя полезной азбуке обучу, для перестукивания.
— Зачем?'
— На плечах не таскать, пригодится. Если меня рядом посадят в камере, будем разговаривать через стенку.
— Откуда ты знаешь эту азбуку? В тюрьме сидел?
— Что ты, Вася, как можно! У меня дядя подпольщиком при цариз¬ме был, сидел в Петропавловской крепости.
— Перестань выдумывать, надоело.
Все же Заремба встал рядом с Щегловым у подоконника и начал вслед за ним выстукивать отдельные буквы.
Незаметно подошло время завтрака. Когда солдат, исполняющий обязанности выводного, убрал из камеры котелки и кружки, Щеглов вернулся к подоконнику. Он хотел продолжать обучение Зарембы тю¬ремной азбуке, как вдруг увидел кого-то на дворе гауптвахты.
— Глянь-ка, Вася, какие знатные гости к нам пожаловали. Замполит подполковник Донец собственной персоной.
— Откуда ты знаешь, что к нам?
— К кому еще, ежели во всех камерах пусто? Думаю, он с тебя раз¬говор начнет.
— Почему с меня?
— Не с меня же. Мой орешек он пробовал долбить на дюжине собраний, недавно пообещал под суд отдать. Что он может еще сказать?!
— А если со мной затеет разговор, то он ему поможет, как зайцу стоп-сигнал.
— Вот за что люблю тебя, Вася, так это за отважность. Не отсту¬пай, помни, что я говорил тебе, и ты опять станешь шофером.
В коридоре послышались шаги, лязгнул дверной замок, и в камеру неторопливой походкой вошел подполковник. Открытая двубортная ту¬журка с тремя рядами орденских планок, отложной воротник защитной гимнастерки с галстуком, синие бриджи, заправленные в хромовые са¬поги — все на его крепкой фигуре выглядело строго и скромно. Остано¬вившись посреди камеры, офицер медленно перевел взгляд с осклабив¬шегося Щеглова на хмурого Зарембу.
— Почему никто, товарищи танкисты, не докладывает? Василий исподлобья посмотрел на подполковника.
— Тут танкистов нет — одни нарушители...
— Одно пока не отрицает другое. Бывает и орел ниже курицы спускается.
Подполковник переставил от середины камеры к стене табурет, сел, снял фуражку. Рубец когда-то глубокой раны темнел над правым вис¬ком, пробиваясь сквозь светлые, с railsединкой, зачесанные кверху волосы.
— Товарищ начальник караула!
На пороге появился быстрый чернявый лейтенант.
— Слушаю, товарищ подполковник.
— Почему рядовой Щеглов содержится в общей камере?
— Не успел перевести, товарищ подполковник. Записка об аресте только что прислана. А вчера его сюда посадили до особого распоряже¬ния, пока отрезвеет.
— Понятно. Выполняйте приказ!
— А узнать разрешите,— игриво-наглым дискантом спросил Щеглов, прикладывая руку к непокрытой рыжей голове,— во сколько обойдется мне выпивка ста граммов и двухчасовая самоволка?

— Вы получили пятнадцать суток строгого ареста, рядовой Щеглов. Перестаньте паясничать, идите!

Щеглова вывели. Дверь закрылась. Справа по коридору щелкнул за¬мок другой камеры. После небольшой паузы подполковник спросил:

— Скажите мне, товарищ Заремба, долго еще Щеглов будет верхо¬водить вами?

Порывисто, всем телом повернулся Василий к офицеру.

— Верховодить? Мною? Я сам по себе все делаю, товарищ подпол¬ковник. К тому же я к серьезным разговорам сейчас глухой. Вчера коман¬дир роты дал мне такого дрозда, что гауптвахта мне раем показалась. Хватит с меня!

— А я думал, что прямой разговор вам понравится. Неужели ошиб¬ся?— левый глаз офицера чуть прищурился.— Вы озлоблены... Вам ка¬жется: ну что я сделал? Водки не пил, не буянил, за какую провинность меня Киреев наказывает? Провинность же ваша очень большая. Вы в начале службы у нас пошли в самоволку с Щегловым. Вас наказали, потом рота, как с хорошим товарищем, поговорила, поверила вам. А вы? Берете пример с Щеглова! Наверное, и вас убеждал, что он авиатор, не¬признанный гений. А правду знаете? Щеглов в авиашколе никогда не учился, до призыва его дважды судили — за хулиганство и кражу. И у нас он до трибунала дойдет, если не опомнится...

— Опять, товарищ подполковник, вы то же самое: кто-то верхово¬дит, кто-то учит. У меня свой котелок имеется, он не только варит, а закипает даже! — загрубелой, шершавой ладонью Василий ударил себя по голове.— Я шофер, понимаете? Из меня танкист, как из вороны— реактивный самолет!

— Вот как вы мыслите! По-вашему, чем хочу, тем и буду в армии. Не забывайте, Заремба, что вас из хозяйственного взвода выпроводили вовсе не за доблесть, а за плохую дисциплину. Интересно, на что хо¬рошее вы способны?

— На что я способен?— переспросил Василий и скороговоркой вы¬палил:— Вы слышали, какие три качества отличают Зарембу: волчий аппетит, богатырский сон и полное отвращение к труду.

Тут камера заполнилась зычным веселым смехом подполковника. Зарембе вдруг захотелось рассмеяться так же легко и искренно.

— Где это вы подслушали такую шутку. Удивили, честное слово. Са¬дитесь уж, а то аппетит ваш пропадет...

— Я не шучу, — нетвердо произнес Василий, отошел к столу и сел на табурет.

— А вы хотели, чтобы я вам поверил? Напрасно. На последней граж¬данской работе о ваших способностях были другого мнения.

— И туда вы уже добрались! А все командир роты. Он старается... Донец перестал улыбаться. С сожалением глядел он теперь на солдата.

— Как вы нехорошо говорите, товарищ Заремба, А знаете ли вы, по¬чему в тридцать три года у Киреева больше седин, чем у меня, соро¬капятилетнего? Знаете ли, что он горел в танке, был весь обожжен и не покинул своих солдат, пока вместе с ними не выполнил приказа? Вам трудно представить себе, что значит для человека сейчас, в мирное вре¬мя, по семь, а то и по восемь месяцев в году не видеть своих любимых — детей, жену. Молоды вы - многого не понимаете, не чувствуете.

Не желая сдавать своих позиций, пытаясь найти точку опоры для сопротивления, Василий уцепился за последние слова подполковника:

— Как мне понять! Все же я не слепой и вижу кое-что. Капитан Ки¬реев отомстил мне за то, что ему попало от командира полка. Думаете, я не слышал, как Мякинин ругал за меня Киреева?.. Вы сказали, капи¬тан любит своих детей. Конечно, кровь-то родная. Был бы я его сыном, может, и меня любил бы...

— А у Киреева сын не родной, — неожиданно тихо, точно про себя, сказал подполковник. — Он нашел мальчика во время боя. Я знаю семью капитана: он любит своего приемыша не меньше, чем родную дочь.

Открытое лицо офицера стало задумчивым. Не без усилия Заремба оторвал глаза от его осуждающего взгляда. Василий вдруг вспомнил фотографию в рамке, которую он заметил на этажерке в палатке капи¬тана. Киреев держит там на руках резвого упитанного мальчугана, и тот прижимается к его щеке.

Заремба сморщил лоб и уставился в чернеющий, прорезанный в две¬ри, глазок-треугольник.

Подполковник Донец поднялся.

— Если у вас будут какие-нибудь вопросы ко мне, можете в любой вечер зайти. Скажете командиру роты, что я разрешил.

Василий молчал. Еще долго после того, как ушел подполковник, он продолжал смотреть на треугольную прорезь в двери, словно кто-нибудь мог появиться, мог помочь ему разобраться в потоке мыслей,

ответить на его вопросы— неясные и волнующие.
ЕЛЕ ЗАМЕТНАЯ ТРОПА
Приказом по полку Мякинин вынес старшему лейтенанту Чумаку благодарность за отличные действия знаменного взвода на празднике годовщины полка и вручил именные часы за первое место в соревнова¬ниях по стрельбе из личного оружия. Поощрения, полученные за короткое время пребывания молодого офицера в полку, были подкреплены зна¬ком внимания, которого Чумак совершенно не ожидал: в воскресенье он был приглашен Мякининым на обед.
Часы показывали ровно пять, когда Чумак подошел к только что от¬строенному голубому домику полковника.
Прикрыв за собой дверь, Валерий оглядел просторную, с двумя боль¬шими окнами комнату. Все в ней выглядело уютно. После однообразной, приевшейся серости палатки приятно было оказаться в такой квартире.
—Проходите, проходите, Валерий Константинович! — услышал Чумак голос Мякинина.
Полковник вышел из смежной комнаты. Он был одет по-домашнему, в брюки на выпуск и кремовую легкую рубашку. Усадив старшего лей¬тенанта в кресло, хозяин сел напротив, на тахту, которая, пружиня, кач¬нула его большое тело.
— Знаете, хочется иногда посвободней одеться, — произнес Мякинин, как бы извиняясь за необычный костюм. — Остальные гости несколько задерживаются, мы тем временем поговорим. Люблю беседовать с моло¬дежью по душам. — Он откинулся на подушки. — И я был таким же, как вы, командиром взвода и понимаю, не сладко приходится, а?
Зная привычку Мякинина задавать вопросы и самому отвечать на них, Чумак лишь слегка кивнул.
— Я верю в ваши способности и мне не хочется, чтобы вы испытыва¬ли нечто подобное тому, что мне пришлось в ваши годы. Скажите откро¬венно, как вы себя чувствуете в полку?
Чумак привстал.
— Хорошо, товарищ полковник, благодарю за внимание.
— Сидите же! — улыбнулся Петр Герасимович.— Мне бы хотелось, чтобы вы не стеснялись в моем доме.
Возможно желая показать, что это не просто слова, Мякинин подо¬шел к двери смежной комнаты, приоткрыл ее, позвал жену.
— Зинуля, Зинаида Степановна! Без хозяйки скучно. Иди, пожалуй¬ста, к нам.
— Иду, иду,— послышался высокий голос.
Вошла Мякинина. Она была ниже среднего роста, в меру полна и стройна для своих двадцати восьми лет. Чумак поднялся, почтительно пожал маленькую руку, отрекомендовался.
— Я о вас уже кое-что слышала. Не пугайтесь, хорошее! — сказала она, увидев легкое замешательство Чумака, и кокетливо продолжала:— Если хотите, зовите меня просто Зиной.
Мякинин самодовольно заулыбался и, подчиняясь игривому тону жены, произнес:
— Берегитесь, Валерий Константинович, моя жена ставит дальний прицел: попадете в число ее поклонников.
— Не верьте ему! — смеялась Зинаида Степановна. Она мягко взяла Чумака под руку, подвела его к тахте, жестом пригласила сесть рядом.— У меня нет ни поклонников, ни даже подруг. Вяну в этом лесу одна. Вы, я слышала, новичок в полку?
— Да. Второй месяц.
Петр Герасимович склонился к радиоле и, оборачиваясь к жене, сказал:
— Ты, Зинуля, попроси Валерия Константиновича познакомить тебя с его женой. Она выросла в столице, окончила институт, у нее, должно быть, интересная жизнь.
— Вот замечательно! Я с удовольствием подружусь с вашей женой,— горячо откликнулась Мякинина, открыто рассматривая румяное лицо Чумака.— Почему вы не вместе?
— Приходится жить на правах холостяка. С жильем очень трудно, сами знаете.
— В таком случае будем просить вдвоем,— она подошла к мужу, об¬няла его за плечи, лукаво заглянула в лицо.— Мое ходатайство может по¬мочь Валерию Константиновичу?
Мякинин ласково провел ладонью по руке жены.
— Только будет окончен дом, я побеспокоюсь о молодых офицерах. Конечно, прежде всего,— о семейных
Зинаида Степановна вышла. Полковник раскрыл портсигар.

— Закуривайте, Валерий Константинович.
Две высокие фигуры встали у раскрытого окна. Облачко сизо-голубо¬го дыма поплыло на простор, таяло в воздухе.
Взгляд Мякинина упал на газету, лежавшую на подоконнике. С фотоснимка глядели танкисты-отличники. Посередине, под стволом тан¬кового орудия, стоял Киреев.
— А как вы сработались с капитаном? Не обижает он вас?
— Нет, товарищ полковник, Киреев хорошо относится ко мне. Един¬ственно, о ком мы никак не договоримся, это о солдате Зарембе.
— Что еще натворил этот Заремба?
— Служить заряжающим не хочет. После учения самовольно пере¬плыл реку. Замучился я с ним.
— Почему Киреев не доложил мне о случае на реке. Вы наказали тогда Зарембу?
— Нет. Капитан считает, что мы мало трудимся над воспитанием солдата. Я просил перевести Зарембу в другую часть, но Киреев не со¬гласился.
— Напрасно. В уставах не сказано, что можно панькаться с нару¬шителями,— Мякинин швырнул за окно погасшую папиросу.— Мы с вами в полку люди новые, вы — второй, я — седьмой, месяц, и нам луч¬ше видны недостатки,— полковник подошел к радиоле и убавил гром¬кость.— В отдельном батальоне, которым я командовал, за три года не было ни одного чрезвычайного происшествия. Мне поэтому странно, что умный и весьма деятельный полковник Целищев допустил у себя такую, расхлябанность. Ведь такой солдат, как Заремба, может доставить круп¬ные неприятности.
— Я высказал подобное мнение капитану Кирееву, он и слушать не хочет.
— Вот как!..
Послышался шум подъезжающей машины, и хозяин поспешил на¬встречу гостям.
Прибывшие остановились у фасада домика. Оттуда донеслись голоса начальника штаба и командира соседнего полка. Чумак был очень до¬волен, что сейчас окажется в кругу высокого начальства.
В комнату возвратилась Зинаида Степановна.
— Почему у вас так тихо? О, я вижу, Петр оставил гостя одного! Чумак повернулся к хозяйке. На ней было шелковое платье. Ровный
пробор разделял светлые, гладко причесанные волосы. Она смотрела на него приветливо и тепло.
— Зинаида Степановна, вы так молодо выглядите, что я не могу дать вам больше двадцати лет.
— Ни единому слову мужчины верить нельзя. Вы просто хотите ска¬зать мне любезность,— произнесла она улыбаясь.

2
Незадолго до окончания очередных сборов заочников академии бро¬нетанковых и механизированных войск капитан Киреев выступил на на¬учной конференции. Он высказал свои соображения об использовании мелких танковых подразделений в современном бою особенно в ночном. Профессор, руководитель кафедры тактики, посоветовал Алексею про¬должать собирать материалы, чтобы к выпускным экзаменам подгото¬вить на эту тему научную работу. «Перечитайте наши источники, порой¬тесь в иностранной литературе — и найдете немало полезного. А главное, проверяйте свои выводы на практике. Я уверен, что ваш труд будет высоко оценен».
Киреев обещал профессору к следующим сборам привезти в Москву вариант своей работы, но теперь бранил себя за это. Не хватало време¬ни. К тому же Алексей чувствовал, что иные теоретические положения не так уж ясны, как казалось в академии. «Напишу профессору,— ду¬мал не раз Алексей,— что у меня ничего не получается». Однако писать не стал, а попытался найти время для чтения книг и журналов, чтобы набросать тезисы будущей работы.
В воскресный день после обеда удалось освободиться от дел, и он по¬шел в библиотеку. Там была одна только полнощекая Римма. Изнывая от жары, она проклинала про себя должность библиотекаря и очень обрадовалась появлению Киреева.
— Вы, товарищ капитан, может быть, почитаете без меня? А я пойду искупаюсь,— попросила она.
— Дайте мне журналы и закройте библиотеку. Никто до вечера, на¬верно, не появится.
— В том-то мое несчастье, что сам полковник сказал: «Зайду, приго¬товьте роман». Ну, а вы же знаете...
— Знаю, ладно. Дайте мне книгу для Мякинина, я все равно тут посижу. Купайтесь, Риммочка, и за меня.
— Ох, спасибо, какой вы славный! Только на полчасика.— И ма¬ленькая, быстрая, она мигом скрылась за поворотом дорожки.

Алексей мельком взглянул на поданную ему вместе с журналами книгу. Это был «Граф Монте-Кристо» Дюма. «Вероятно, для жены бе¬рет»,— подумал Киреев, и мыслями перенесся за триста километров на юг, к хатке на окраине небольшого городка. «Приехала бы Надя с деть¬ми. Сегодня же напишу, пусть посоветуется с врачом, можно ли на месяц прервать лечение Светы».

Он разложил журналы, стал читать, попутно делая заметки в преж¬них записях. Но углубиться в работу не удалось. Около клуба останови¬лась машина Мякинина. Еще издали полковник заметил, что библиотека закрыта, и стал возмущаться:

— Снова этой девчонки нет! Предупреждал ее — напрасно. Киреев вышел из-под навеса.

— Римма ушла ненадолго, товарищ гвардии полковник. Просила вам передать.

— Что ж, спасибо,— Мякинин взял книгу, осмотрел ее со всех сто¬рон, раскрыл, перелистал, спросил:

— Над чем работаете?

— Выполняю задание по тактике.

— Тема?

— Действия мелких танковых подразделений.

— Любопытно.

Прошли под навес. Мякинин остановился около столика с журнала¬ми и исписанными листами, поднял их, как бы взвешивая, и с одобрением проговорил:

— О, написано уже немало! Можно почитать?

— Это только выписки, товарищ гвардии полковник, черновые на¬броски — стыдно показывать. Закончу и с благодарностью выслушаю ваше мнение.

Мякинин все еще не выпускал из рук пачку листов.

— Зачем, когда закончите? Лучше, по-моему, сейчас. Надеюсь, су¬мею кое-что и посоветовать. Тем более, я на эту тему лекцию готовлю. Могу даже предложить вам вместе статью написать для журнала «Тан¬кист», если, конечно, желаете. Кое-кто, возможно, обрадовался бы такому предложению — полков¬ник соглашается на соавторство с капитаном, командиром роты. Но Ки¬реев почему-то насторожился.

— Спасибо, товарищ гвардии полковник. Но я считаю себя не в силах писать в соавторстве с вами.

— Что ж...— Мякинин небрежно кинул листы на стол, поправил пер¬чатку на руке и направился к машине.

Разговор с полковником Мякининым, как будто корректный, безобид¬ный разговор, каких бывает немало между начальником и подчиненным, оставил у Киреева какой-то мутный осадок. «Тактично ли и умно было отказаться от соавторства? Мякинин старше, опытней, статья могла по¬лучиться хорошей. Что же это? Неужто во мне заговорило тщеславие?» Алексей невольно вспомнил о командире полка. «Полковник Целищев, узнав о совете профессора, дал мне две книги из своей личной биб¬лиотеки. А этот бесцеремонно взял листы, будто они принадлежат ему...»

Перед взором Киреева стояли два полковника: оба требовательные, хорошо знающие свое дело. Как будто только и разницы, что в летах: одному — тридцать восемь, другому — сорок пять. «Так почему к первому идешь с открытым сердцем, чувствуя, что он тебя поддержит, поможет, а ко второму не хочется обращаться? Возможно потому, что Мякинин заносчив? Но в нем ведь много хороших качеств. Кое-кто считает, что Целищев после окончания академии больше к нам не вернется и коман¬диром полка станет Мякинин. Видимо, кандидатура достойная».

Близкие шаги оборвали раздумья. У входа в библиотеку остановился солдат.

— Вы что, Заремба, купаться не захотели?

— Искупался раз, а теперь думал книжку почитать.

— Римма скоро вернется. Хотите покурить?

— Признаться — да, товарищ капитан.

— Сядем туда,— Киреев поднялся и указал на скамейки, поставлен¬ные четырехугольником недалеко от библиотеки. Про себя отметил, что Заремба держится скромно и, главное, в его глазах нет тех ледяшек, ко¬торые были при разговоре после праздника.

Василий тоже вспомнил свое столкновение с капитаном на стадионе. Теперь было неловко за свою несдержанность. «Может, попросить капи¬тана отпустить меня из роты, не дожидаясь осени?»

Киреев сел на скамейку, вынул портсигар.

— Садитесь. Кажется, Василием Тимофеевичем звать?

То, что командир роты знает его по имени-отчеству, что он пригласил его сесть и просто, по-дружески, протянул раскрытый портсигар, еще больше расположило солдата к Кирееву. Василий бочком пристроился по другую сторону скамейки, прикурил.
— Скоро мы с вами расстанемся, товарищ Заремба,— непринужден¬но, словно продолжая давно начатый разговор, сказал Киреев.— А мне почему-то хочется знать о вас больше, чем известно из солдатской кар¬точки и отзывов некоторых командиров.
— К чему это, товарищ капитан? — Заремба смутился, провел рукой по гладко выбритому подбородку— Моя биография ничем не блещет: к войне не поспел, нигде ничем не отличился:
— А родные, близкие ваши были на фронте?
— Были, конечно. Брат воевал, погиб... Лицо Зарембы стало печальным.
— И у вас в то время уже не было родителей?
— Не было...
Недокуренная папироса выскользнула из пальцев Зарембы. Никому в армии он еще не рассказывал подробности своего тяжелого детства. А тут вдруг захотелось поделиться с командиром... Но он все еще сдер¬живал себя. Между тем офицер глядел на него с сочувствием, и Василий переборол недоверие.
— Отец умер, когда мне исполнился год, и мать я почти не помню. Брат меня воспитывал. У него я жил до зимы сорок четвертого... Он дол¬го не писал, а потом пришло извещение о смерти, и я бежал.
— Почему?
— Там слишком скоро забыли брата...
Должно быть, Василию было нелегко вспоминать. Он сгорбился, за¬думался, и Киреев не мешал его размышлениям.
-— Скажите, можно ли выяснить, в какой части воевал, как погиб мой брат?
Алексей медлил с ответом. Ему показалось, что он обнаружил зарос¬шую сорняком, когда-то чистую тропу, которую близкий человек про¬ложил много лет назад к еще детскому, должно быть, тогда доверчиво¬му и отзывчивому сердцу Василия.
— Попытаемся узнать, товарищ Заремба,— сказал, наконец, Киреев.— Вы никогда не запрашивали о брате?
— Нет, я не надеялся.
— Направим сегодня письмо в Центральный архив Советской Армии. И то, что капитан тут же потушил окурок, быстро прошел под навес
библиотеки и без промедления стал писать запрос, тронуло солдата боль¬ше, чем многие беседы с ним и слова сочувствия.

ЗНОЙ

1

Во время очередного дежурства Чумак получил пакет лично для Мя¬кинина.
Час был поздний, полковника в штабе уже не было, и старший лейте¬нант направился к нему на квартиру.
В домике Мякинина горел свет, окно в столовую было не занавеше¬но, и Чумак, проходя мимо, невольно заглянул в комнату. Полковник сидел за письменным столом, углубившись в какие-то бумаги. Зинаида Степановна убирала с обеденного стола посуду. Движения ее были мед¬лительны, лицо задумчиво. Скучающим и капризным взглядом устави¬лась она на крутую спину мужа.
Немая семейная сцена, как показалось Чумаку, имела какое-то кос¬венное отношение лично к нему. После воскресного дня, проведенного у Мякининых, Валерий часто встречал Зинаиду Степановну в кино. Несколько раз полковник, заме¬тив Чумака, подзывал его, предлагал место рядом, расспрашивал, что пишет жена, как ее здоровье. Когда завязывался разговор о кинокарти¬не, Валерий с любопытством следил за словесным поединком Зинаиды Степановны с мужем. Он любил, когда герой становится ясным для него с первых же кадров, она, наоборот, осуждала сценариста и режиссера за примитив и схематичность. Иногда Чумак высказывал свое мнение и внутренне ликовал, если Зинаида Степановна соглашалась с ним. Она была покровительственно ласкова, и это ничуть не задевало его мужско¬го самолюбия. Чумаку было приятно сидеть рядом с ней, глядеть на нее, слушать ее суждения, видеть ее горячность и непримиримость в споре, в ней угадывался пылкий характер и веселый нрав. «Почему же она с та¬кой грустью отвела сейчас взгляд от мужа и стоит, словно придавленная каким-то горем?» Чумак с трудом заставил себя отойти от окна и на¬правился к веранде.

Дверь была открыта настежь. Валерий остановился у порога, спросил разрешения войти. Услышав его голос, Зинаида Степановна обернулась, густой румянец опалил ее лицо, стер с него грусть. Но в тот же миг он увидел обычную улыбку гостеприимной, всегда радушной хозяйки и ус¬лышал спокойную, даже слишком спокойную фразу:
— Что же вы остановились? Войдите, пожалуйста.
— Присядьте, Валерий Константинович, пока я прочитаю,— пред¬ложил Мякинин.
Валерий присел на край стула и снова стал смотреть на Зинаиду Степановну. Если бы она засуетилась или, наоборот, продолжала стоять, как прежде, удивленная, он еще мог бы надеяться, что ему не просто по¬казалось, а что она действительно растеряна, обрадована его приходом. Но хозяйка как ни в чем не бывало закончила уборку посуды и, любез¬ности ради, спросила:
— Может, хотите чаю со свежим клубничным вареньем?
— Спасибо, только что из столовой. К тому же я на дежурстве,— он показал красную повязку на рукаве, — спешить надо.
— Тогда расскажите новости, пока Петр читает. Я два дня из дому не выходила.
— К нам, говорят, едут артисты музкомедии.
— Это чудесно. Петя, да послушай ты минутку!
Петр Герасимович кончил читать, наискосок, размашисто написал что-то, встал, передал бумагу Чумаку и только тогда спросил:
— Ты что-то хотела мне сказать?
— У нас будут выступать артисты, не забудь взять билеты на кон¬церт.
—- А когда он будет?
— Назначен на субботу, товарищ гвардии полковник.
— На субботу? Жаль, я буду занят.
— Мы с тобой давно не слушали хороших актеров. Может быть, Петя, ты сможешь пойти,— настойчиво просила Зинаида Степановна.— Одной скучно.
— Нельзя мне, родная, никак нельзя,— и вдруг, вспомнив о чем-то, предложил: — Вы же театрал, Валерий Константинович, вы, конечно, пойдете. Выручайте меня, идите вместе с Зиной. Хорошо?
— Слушаюсь, товарищ гвардии полковник,— по привычке откозыр¬нул Чумак.

2

Высохшая трава звонко шуршала под ногами Валерия. Ее шорох раздражал, вызывал неприятные думы. «Выдастся же такой день. С утра не везет...» Душный воздух сушил горло. Чумак ускорил шаг, вы¬бирая дорожки среди густых зарослей, но и тень не давала желанной прохлады. Палящий воздух звенел и в лесу, и на дороге, куда снова выбрался офицер. Машинальным движением Чумак расстегнул ворот гимнастерки. «Такой денек без грозы не пройдет». Он с надеждой всмат¬ривался в горизонт — не надвигаются ли тучи. Но небо было прозрач¬ным, чистым, и его нежно-голубой цвет напомнил Чумаку глаза Зинаиды Степановны.
С утра он дважды подходил к домику Мякининых, но Зинаиды Сте¬пановны не было. Не нашел он ее ни в магазине военторга, ни в библио¬теке. Это его злило так же, как и сама неожиданная командировка, рас¬строившая его планы на субботу, и он бубнил про себя: «Трясись в таком зное на грузовике несколько десятков километров до станции, а там душный вагон».
Зампотех полка приказал капитану Кирееву послать командира взво¬да на зимние квартиры, чтобы отгрузить в лагерь запасные части. Ки¬реев направил Чумака, думая, что он этим его обрадует, так как по пути на зимние квартиры находился город, где жила жена Чумака, и он мог бы к ней заехать на день. Но Валерий принял командировку с недоволь¬ным видом. Правда, отказаться от нее, искать какую-либо причину для задержки не стал: неудобно, да и правдоподобную версию трудно было придумать.
Из полка шла машина до станции, и он договорился, что она подо¬ждет его на контрольном пункте. Но здесь никого не было. Одни кузне¬чики стрекотали в кустах, да дежурный сержант скучал на пороге глино¬битного домика.
— Машина из части Мякинина не проходила?— спросил Чумак.
— Прошла. Стояла здесь минут двадцать.
— Вот еще неприятность! Добирайся теперь на перекладных,— в сердцах проговорил Валерий.
В это время подъехал и затормозил у закрытого шлагбаума легковой, крытый тентом газик.
— Валерий Константинович! — раздался женский голос из машины. Рядом с шофером сидела Зинаида

Степановна.— Вы куда едете?
— Я… У меня командировка на зимние,— растерялся Чумак.
— Садитесь! — повелительно сказала Мякинина. Шофер открыл дверцу, Чумак сел на заднее сиденье, и газик сорвался с места.
— Вы надолго уезжаете, Валерий Константинович?
— На два-три дня.
— Значит, некому будет сопровождать меня на концерт,— с сожале¬нием проговорила Мякинина.
— Все вышло не так, как я хотел. Мне приказали немедленно выехать на зимние. А вы, Зинаида Степановна, куда?
— Вчера обнаружила, что у меня нет в лагере вечернего платья для концерта. Да еще получила на днях письмо от своей портнихи: демисе¬зонное пальто готово к примерке, и я решила поехать на зимние. Да что вы так удивленно смотрите?
— Так и вы туда!— воскликнул Чумак, близко наклоняясь к Мякининой.— И мне можно ехать с вами?
Она насмешливо скосила на него глаза, обращаясь при этом не к нему, а к шоферу:
— А может, Коля, высадим старшего лейтенанта? Поглядим, какой он спортсмен, сумеет ли пробежать вслед за нами триста километров...
Отвечая игривыми репликами на ее шутки, Чумак глядел на малино¬вый румянец ее щеки и светлую прядь, выбившуюся из-под шляпки на шею. Газик оставил позади полевую супесчаную, измельченную в пыль дорогу с серыми столбами и мелким хвойным лесом по бокам. Колеса отбрасывали назад километры асфальтового шоссе. Чаще замелькали желтые треугольники дорожных знаков. Семейки мелколистной акации на обочинах шоссе сменяли старые дуплистые вербы, горделивые осоко¬ри, юные саженцы. Убегали назад деревни с голубыми хатами и плаку¬чими ивами на ставках, приземистые, длинные, крытые черепицей здания машинно-тракторных станций и колхозных ферм. Одни только светло-зе¬леные, начинающие переливаться золотом хлеба никак не хотели уда¬литься, исчезнуть. Кукуруза на тонких крепких ножках подбегала к шос¬се, мчалась наперегонки с газиком, распустив по ветру рыжие тонкие косички. Плосколицый веснушчатый подсолнух улыбался Зинаиде Степановне...
Незаметно для Мякининой и Чумака проходили часы, и вот показа¬лись излучина реки, радуга мостов и на противоположном скалистом бе¬регу—здания большого города. Проскочив широкий мост и оказавшись на шумных, полных машин и людей улицах, газик убавил ход. Медленно текла лента шумного, грохочущего городского конвейера. И тут только Валерий Чумак оторвал глаза от Зинаиды Степановны, посмотрел сквозь боковое стекло и вспомнил о своей квартире, находящейся за три квартала от этого угла, о жене, которая давно ждет его. «Могу сойти здесь, могу сойти и через квартал,— торговался он со своею совестью.- А может быть, лучше заехать на обратном пути? До склада доберусь сегодня, быстро выполню задание и тогда сумею не день, а два дня про¬быть с Верой, Да, да, это будет, пожалуй, лучше». Так говорил себе. Чумак, хотя прекрасно знал, что это только отговорки, что на самом деле он просто не хочет, не может оставить Мякинину.
— Я очень хочу пить, Валерий Константинович. Вот напротив — кафе. Надеюсь, угостите?
Шофер остановил машину. Мякинина и Чумак пересекли улицу и вошли в кафе. Шустрая официантка поднесла им шоколадного мороже¬ного, лимонад. Чумак угрюмо поедал свою порцию. Сколько раз он под¬носил к губам ложечку с мороженым, столько раз менялось его решение. То он думал: «Останусь. Сейчас ей скажу», то снова отступал: «Поеду дальше».
— Что вы приуныли? Чем-то недовольны, я вижу. Не спутницей ли?
— Собой недоволен,— силился улыбнуться Чумак, но улыбка полу¬чилась кислой.
— Я люблю, когда человек собою недоволен, значит, он имеет му¬жество себя критиковать,— Зинаида Степановна поднялась, подождала, пока Чумак расплатился с официанткой.
По асфальтовой мостовой непрерывно шли автомобили, Чумак взял под руку Мякинину, и они пошли через дорогу по направлению к газику. Последние несколько метров Зинаида Степановна пробежала и, неловко ступив с разбега на край тротуара, подвернула ногу. Чтобы не дать ей упасть, Валерий обхватил ее талию, ощутил теплое упругое тело.
— Может быть, сядете позади, здесь просторней,— сказал он, рас¬крывая дверцу и не замечая, что продолжает держать ее за талию.
— Как же я сяду, когда вы меня не отпускаете? — она растерянно посмотрела на Чумака.
Набирая скорость, газик вырвался из городской сутолоки и полетел по гладкой шоссейной дороге.
Вечером, освещаемая извивающимися ослепительными молниями, машина подъезжала к районному

городку. Вскоре она остановилась у четырехэтажного дома. Утомленная дорогой, Мякинина расслабленным голосом обратилась к Чумаку:
— Вас Коля отвезет, куда вам нужно. Значит, завтра никак не смо¬жете ехать обратно?
— Едва ли сумею справиться, да и вы рано выедете,— Чумак помог Зинаиде Степановне выйти из машины.— Как ваша нога, болит?
— Боли нет, в голове только стучит, устала. Если успеете завтра за¬кончить свои дела, позвоните мне, обратно вместе поедем.
Чумак взял чемоданчик Мякининой, хотел проводить ее до квартиры.
— Не нужно, я уже дома, а вы должны добраться до места, пока еще нет дождя,— и она заставила его сесть в машину.

3
Кто-то тихо постучал в дверь спальни. Не раскрывая сомкнутых глаз, Мякинина нехотя отозвалась.
— Зинаида Степановна, что готовить на обед? — послышался голос домработницы.
— Дорогая Марфуша, делай все, как хочешь, только меня не тре¬вожь, я очень спать хочу.
— Марфуша вышла из спальни на носках.
Еще минуту назад сон смыкал веки Зинаиды Степановны, а теперь 'его как не бывало. Она думала о чем-то расплывчатом, неопределенном, пока мысли не сосредоточились на том, что нужно встать, заняться де¬лами и поспешить обратно в лагерь. Но тут же почувствовала, что ей никуда не хочется ехать, что ее не интересуют ни платья, ни пальто. Без ясной причины вдруг захотелось плакать. Затуманенный взгляд сколь¬зил по спальне — от обстановки веяло запущенностью. Дольше, чем на других предметах, взор задержался на портрете мужа. Он смотрел на нее с надменным видом. «Так смотрит он и в жизни»,- подумала Зи¬наида Степановна и перевела взгляд на портрет рядом. Заразительно улыбалась девушка. Широко раскрытые шаловливые глаза притягивали к себе, а кокетливо склоненная набок, с чуть вздернутым носом головка как бы говорила: «Посмотрите, я хороша?» Зинаида Степановна вспом¬нила время, когда она была такой, как на портрете, вспомнила дружную семью, где она росла общей любимицей. Перед ней вставало доброе лицо отца, всегда занятого работой. Как он стремился, чтобы она, стар¬шая его дочь, окончила высшее учебное заведение. Но она не оправдала его надежд.
Зинаида Степановна протянула руку к ночному столику, взяла пись¬мо, которое давно ожидало ее приезда, и стала перечитывать. Подруга по институту писала, что ее снова повысили по работе, коллектив ува¬жает ее, муж и дети любят, и она с ними сейчас отдыхает на берегу Черного моря. «И ты могла кончить институт, и ты могла бы работать,— говорила Зинаида Степановна, обращаясь к девушке на портрете. — И зачем ты вышла замуж за Мякинина!» Она восстановила в памяти дни, когда с ним познакомилась. Ей — студентке второго курса институ¬та иностранных языков — льстило ухаживание представительного пол¬ковника. Он был такой внимательный, возил ее на машине в институт, так увлекательно говорил о будущем. Косые взгляды подруг ока тогда относила к зависти.
Неторопливыми движениями Зинаида Степановна то складывала письмо в маленький квадратик, то расправляла его листы...
В первые годы замужества никакие заботы не тревожили ее. Хозяй¬ство вела домработница, и Зинаида Степановна не знала даже цены продуктов. Поглощенная нарядами, прогулками, которые отнимали у нее много времени, Зина занималась лениво и скоро, с молчаливого со¬гласия мужа забросила учебу. Новые друзья любовались ею, говорили комплименты. Некоторые жены офицеров перед ней заискивали. Зинаи¬де Степановне доставляло удовольствие видеть, как их мужья вытяги¬ваются перед полковником Мякининым, и она еще больше гордилась собой и Петром.
Зазвенел на столике телефон. Зинаида Степановна, соскочив с крова¬ти, схватила трубку.
— Добрый день, Зинаида Степановна. Как здоровье? Нога болит?— донесся до нее голос Чумака.
— Спасибо, я совершенно здорова. В лагерь выеду после обеда. Если вы к этому времени сумеете управиться, приходите ко мне, пообедаем и вместе поедем.
Чумак поблагодарил, сказал: «До скорой встречи» и повесил трубку. А она с разгоревшимся лицом стояла неподвижно, не выпуская трубки из рук. Ее охватило то чувство, которое она испытала вчера, когда Чумак, обняв ее, помог дойти до машины. «Неужели?.. А Петра я никог¬да не любила. Но теперь поздно, поздно...» Она уже сожалела, что при¬гласила Чумака.
До обеда Зинаида Степановна управилась с делами и стала поспеш¬но собирать вещи. Решила поскорее уехать, уехать до прихода Чумака. Но не успела. Раздался настойчивый звонок. И оттого, что

сердце ра¬достно забилось, Зинаида Степановна поняла, что не от него, а от самой себя она хотела бежать.
— Пришел, Зинаида Степановна, вас проводить, я должен остаться еще на день,— сказал Чумак с сожалением, ласково глядя на нее.
Пряча глаза, она поздоровалась и, приоткрыв дверь на кухню, рас¬порядилась:
— Марфуша, подай, пожалуйста, обед.
На столе появился салат из свежих помидоров, Марфуша стала раз¬ливать холодную окрошку.
—- Плохая я хозяйка, не умею угощать, главное-то для гостя и не по¬дала,— Зинаида Степановна направилась к буфету, достала рюмку и маленький графин с водкой.
— Я один никогда не пью,— проговорил Чумак, заметив, что для себя она рюмку не поставила.
— А сегодня придется. Я не пью водки.
— Одну минуточку,— Чумак торопливо вышел в коридор и возвра¬тился с бутылкой красного вина. — Вы не обидитесь?
— За внимание благодарят, если оно от души, — Зинаида Степанов¬на поставила рюмку и для себя.
Разговор вел Чумак. Он видел, что Зинаида Степановна рассеянна, отвечает невпопад. Теряясь в догадках, старался развеселить хозяйку.
К концу обеда Чумак заметил, что Зинаида Степановна несколько раз взглянула на часики.
— Вы торопитесь? Все равно на концерт сегодня не успеете: в лагерь приедете поздно ночью.
— О концерте я давно забыла, Валерий Константинович, — натя¬нутая улыбка появилась на ее лице.
— Я вам советовал бы выехать завтра утром, мало ли что может случиться в дороге с машиной.
— Я этого не боюсь. Если случится какая беда, да еще недалеко от вашей квартиры, я от вашего имени попрошу жену пригреть меня,- на¬смешливые огоньки заблестели в ее глазах.
Заметив, как ему не нравятся ее слова, она не без злости добавила:
— Валерий Константинович, вы могли вчера не ехать сюда, а за¬держаться у жены, она вас ждет.
Его брови дрогнули, сомкнулись на переносице.
— Возможно... Вы правы. Но я не мог отпустить вас, хотелось быть с вами!- он поднялся, подошел к побледневшей Зинаиде Степановне.— Почему вы об этом напомнили сейчас, а не вчера, когда я был в несколь¬ких кварталах от дома?
— Потому... потому, что я так же не хотела отпустить вас,— еле слышно проговорила она.
Чумак весь подался к ней. Крепко обняв ладонями ее голову, он го¬рячо целовал глаза, губы. Зинаида Степановна старалась вырваться.
— Перестаньте, что вы делаете!-с силой оттолкнув его, она встала. Лицо ее горело, глаза удивленно смотрели на распаленного Чумака.
В это время в комнату донесся с улицы продолжительный сигнал автомобиля.
— Машина... Мне нужно уезжать! — Зинаида Степановна суетливо стала укладывать в чемодан вещи.
«Ну, чего ты трусишь, как мальчишка!» — обругал себя Валерий и снова шагнул к ней. Приблизившись, сжал ее пальцы в горячих ладонях и, ощущая, как слабеют ее пальцы, жарко, почти исступленно прого¬ворил:
— Зина, милая, только разреши. Я отошлю шофера. Скажу — не едешь...
Она вырвала пальцы, отшатнулась и, задыхаясь, прошептала:
— Не смейте! Никогда, слышите, никогда не приходите к нам!..

ЭТО ТРЕБУЕТСЯ В БОЮ

В середине лета внезапно похолодало. Сплошные тучи низко нависли над лагерем, и пошел густой, надоедливый, непрерывный дождь. Грун¬товые дороги развезло, в них застревали автомашины. Болотистые места стали труднопроходимыми для танков. Ночами солдаты в палатках тес¬нее жались друг к другу, накрываясь поверх одеял шинелями.
Усложнился уход за танками. Катки, гусеницы, броня после выездов покрывались толстым слоем грязи. Заремба по привычке иногда бурчал, а чаще всего работал молча, размышляя о том, что ему не везет в служ¬бе, как и вообще в жизни. Вот и о брате надеялся узнать с помощью капитана Киреева, но прошел месяц, а ответа нет.
В один из таких пасмурных дней мрачный Заремба возвратился из танкового парка в палатку. Он с нетерпением ожидал отбоя, чтобы лечь, заснуть, забыть обо всем, что тревожило. Но едва солдаты успели снять комбинезоны и помыться, как раздалась команда:

— Выходи строиться!

Солдаты и сержанты быстро выбежали из палаток, построились в колонну по четыре и с песней зашагали за старшиной.

У легкой высокой постройки песня оборвалась. С шумом входили танкисты в ленинскую комнату.

Не все танкисты сумели занять места за столиками. Для замыкающих дневальные принесли две длинные скамейки. Заремба сел на край пос¬ледней, в самом углу комнаты. Он вертелся на необструганной скамье, поглядывал через окошко на качающиеся верхушки сосен и, отвлекшись, упустил момент начала беседы капитана Киреева. Джавахадзе толкнул его локтем:

— Зачем крутишься? Мешаешь!

— А тебе что? Уши твои большие, услышат,— огрызнулся Василий, но сидящие впереди зашикали и, поняв, что мешает не одному наводчику, Заремба замолчал, стал слушать командира.

— Сегодня один из наших молодых солдат выразил сомнение, мож¬но ли в такие ненастные дни по топким местам провести танки. Что следует сказать малоопытному танкисту? Я вспомнил фронтовой эпизод.

Было это ранней весной 1944 года. Уральский танковый корпус, в котором я служил, получил приказ глубоким фланговым ударом зайти в тыл немецкой группировке, находящейся в районе Винница-Проскуров. Гитлеровцы были уверены, что после нашего успешного зимнего наступления, после окружения и разгрома Корсунь-шевченковской груп¬пировки немцев, Первому украинскому фронту потребуется по меньшей мере два-три месяца, чтобы подтянуть резервы и продолжать наступле¬ние. К тому же вражеское командование считало, что в условиях небыва¬лой распутицы советские войска лишены возможности двигаться по без¬дорожью и наносить фланговые удары. Но враг ошибся! В начале марта наши танковые части оказались в ста пятидесяти километрах западнее Винницы и перерезали важнейшую железнодорожную магистраль Проскуров-Тернополь...

Пока командир говорил, старшина пододвинул от стены к трибуне большую, четырехугольную, туго обтянутую белым холстом деревянную раму и зажег в глубине рамы электролампочки. Синие контуры на хол¬сте обозначали район сосредоточения немецких войск у Винницы и Проскурова, а западнее их, с севера на юг, тянулась красная стрела, острие которой упиралось в кружочек с надписью: Подволочисск.

— Вот сюда наш танковый корпус направил главный удар,— указка Киреева дотронулась до острия стрелы. — Мы совершили многокиломет¬ровый марш-бросок прямо по полям, по проселочным дорогам. Двигались ночами и в такую распутицу, что не только автомашины, но и танки часто застревали.

Заремба не мог простить себе, что занял такое неудачное место и не видит электрифицированной карты.

— Вот эта узловая станция,— продолжал Киреев,— была свидетелем ожесточенных боев. Наш мотострелковый батальон, шедший со взводом танков в передовом отряде, внезапной атакой ворвался на окраину Подволочисска. Гитлеровцы подбросили по железной дороге из Тернополя пехоту и танки. На измотанных в бою людей обрушилась лавина авто¬матчиков и восемь танков «Тигр». После дня непрерывных атак про¬тивник потерял четыре «Тигра» и сотни солдат. Большими были и по¬тери гвардейцев. Два наших танка были сожжены. Продолжала биться единственная тридцатьчетверка, на которой в живых остался один меха¬ник-водитель. Представьте себя, товарищи, на его месте. Всю ночь гит¬леровцы бросались на обескровленный батальон и на его танк. Что же делал механик? Пользуясь ночной темнотой, он заходил на своей маши¬не в тыл «Тиграм» и, временами оставляя рычаги управления, бросался в боевое отделение и посылал снаряды во вражескую броню. На рассвете подошло подкрепление. Раненый механик-водитель Сочнев вместе с по¬доспевшими танкистами выбил немцев из Подволочисска...

Иными глазами смотрел сейчас Заремба на мужественный, с прямо торчащим рыжим усом профиль старшины. «Столько пережил и не хва¬лится, как Щеглов». Василий понял, зачем капитан рассказал о наступ¬лении в начале марта 1944 года, о мужестве старшины Сочнева. «Дейст¬вительно, в бою бывает, что и непогода на руку, и даже болото хороше¬му солдату подспорье, а, главное, танкист должен все уметь: и машину водить, и за наводчика стрелять». Заремба не замечал, как про себя повторяет слова командира роты.

— Перерыв пять минут, — объявил Киреев. Солдаты вышли из помещения, окружили Сочнева.

— Орден Красного Знамени у вас за тот бой, товарищ гвардии старшина?

— Сколько «Тигров» подбили?

Сочнев смущенно улыбался в бронзовые усы и отвечал совсем не то, что от него ожидали:

— Перехвалил меня командир... Просто учился стрелять из пушки в перерывах между боями, а когда пришлось — стрелял. У нас в экипаже и наводчик и заряжающий умели хорошо водить машину. Когда меня контузило, за рычаги взялся наводчик, а у пушки встал заряжающий. Правильно делает сержант Солянин. Его танкисты добиваются полной взаимозаменяемости. Как, Абай, — обратился он к заряжающему Киримову, — скоро будете водить машину?
— К осени третий класс получим, товарищ гвардии старшина. Ре¬корды ставить будем!
Киримов лукаво посмотрел на Зарембу и спросил:
— Хочешь соревнования? Давай!
Не успел Заремба ответить, как раздались голоса:
— Он боится, Абай, что ты его обставишь.
— Киримов может просчитаться,— сказал Сочнев, и смешки стих¬ли. — Как, Заремба, посоревнуетесь? Вы же были хорошим шофером.
— Держись, Абай, обгоню! - выпалил Заремба.
Ему хотелось улучить минуту, чтобы поговорить с Сочневым наеди¬не, но тут из ленинской комнаты появился почтальон и крикнул:
— Заремба, к командиру роты!
— Явился по вашему вызову, товарищ гвардии капитан,-доложил Заремба, вопросительно глядя на командира.
Киреев выбрал из двух конвертов один, вынул из него бумажку.
— Прибыл ответ на наш запрос, товарищ Заремба. Ваш брат, Степан Тимофеевич, воевал в танковой части, был механиком-водителем. Воевал он мужественно, погиб смертью храбрых в Восточной Пруссии. Вот, читайте.
Василий не мог спокойно держать лист бумаги со штампом Централь¬ного архива Вооруженных Сил. Он видел не только мелкие буквы ма¬шинописи, но и живое лицо брата. Он не мог отдать себе отчета, почему это так получилось, но он ясно видел раненого Степана, ведущего огонь из танкового орудия по врагу. «Это же рассказывали о Сочневе,— мель¬кала мысль,— нет, о Степане, конечно, о Степане!..»
То ли почтальон успел разнести весть об ответе из Москвы или дру¬гой солдат подслушал разговор капитана с Василием, но только он вы¬шел из комнаты, как танкисты оказались возле него, стали расспраши¬вать о брате.
После ужина солдаты подходили к Зарембе, угощали папиросами, вызывали на шутки, стараясь рассеять его печаль. Заметив, что Василий хочет уединиться, ефрейтор Киримов схватил его за руку:
— Зайди палатка. Знаешь, какой яблок получил? Вкусно угощу! В этот вечер Заремба подошел к старшине Сочневу и попросил обу¬чать его вождению танка.
Офицеры штаба проверяли в роте капитана Киреева огневую подго¬товку. Как всегда бывало в таких случаях, Киреев со своим экипажем вел огонь первый. Вернувшись на вышку, он получил указание началь¬ника отделения штаба принять на себя руководство стрельбой.
Танк командира первого взвода вышел на исходную линию. С вышки было видно, как экипаж спешился и четыре фигурки, отделившись от ма¬шины, построились вблизи нее. Киреев взял в руки секундомер, при¬готовился передать через сигналиста приказ старшему лейтенанту Чумаку.
Обычно сдержанный, уравновешенный во время стрельбы, Чумак на этот раз был неспокоен и даже не скрывал этого от подчиненных. Он слишком часто поворачивал голову по направлению к вышке, где стояло штабное начальство, сверх меры придирался к Зарембе. Возможно, причину его нервозности нужно было искать в низкой оценке, полученной на последних стрельбах, когда его экипаж чуть не потянул весь взвод из передовых по огневой подготовке в отстающие.
Подчиненные не могли понять, что делается в душе у старшего лей¬тенанта. Да и он сам вряд ли давал себе ясный отчет, что сейчас его больше раздражает — личные неудачи или провал предыдущих стрельб, единственным виновником которых он считал Зарембу. В начале тех за¬нятий Василий затратил на посадку в танк лишние десять секунд, а потом, когда отказал пулемет, выяснилось, что Заремба не проверил как следует боеприпасы.
«Хорошо капитану Кирееву. Его экипаж перекрыл сейчас нормативы при посадке, все цели поразил первыми снарядами. А каково мне? — с го¬речью думал Чумак, буравя взглядом угрюмого Зарембу.— Киреев дово¬лен, что Заремба в последнее время не грубит, не пререкается с офицера¬ми. И мне была бы радость, если он не подводил бы на стрельбах. Ну, вот опять насупился, опять подведет».
Мрачное настроение офицера немного развеялось, когда он посмотрел на наводчика и механика-

водителя. Оба они — и несуразно длинный, верткий Джавахадзе, и крепкий, добродушный Сочнев — словно были обижены на своего командира: «Неужели вы на нас не надеетесь?» — говорили их взгляды.
— Слушай-те все! Слушай-те все! — раздался с вышки протяжный сигнал горниста.
Экипаж погрузил снаряды, выстроился «а исходной линии и по вто¬рому сигналу устремился на посадку. Первым бежал Джавахадзе. Дву¬мя прыжками он вскочил на башню и с такой же быстротой, с какой прыгающий с вышки погружается в воду, исчез в люке. При всем жела¬нии Заремба не мог поспеть за ним: один шаг Шоты равнялся двум ша¬гам Василия. К тому же Василий коленкой ударился о гусеницу, больно ушиб ногу. Он с трудом поднялся на башню и, тяжело дыша, спустился в боевое отделение. Ему показалось, что в этот раз он затратил на по¬садку еще больше времени, чем на прошедших стрельбах.
— Хорошо, Заремба! Почти норма! — раздался голос Чумака.
«Все почти да почти, — подумал Василий, глядя на согнутую за ры¬чагами покатую спину Сочнева. — Он без всяких «почти», один дрался против нескольких «Тигров», а я пустяка не могу сделать...»
По радио Чумак принял команду «Вперед!», передал по внутреннему переговорному устройству механику-водителю, и машина, качнув длин¬ным стволом орудия, пошла к огневому рубежу. Как при взрыве снаряда разлетается во все стороны земля, смешанная с осколками и дымом, так тугим фонтаном били наискось от гусениц черные и жирные, словно нефть, брызги. Танк, плавно раскачиваясь, шел по болотистому участку через бугры и ямы. Сочнев вел его ровно, без рывков. Когда машина достигла огневого рубежа, водитель стал еще пристальнее глядеть в смотровую щель и чуть только замечал менее бугристый отрезок поля, как по переговорному устройству до Джавахадзе долетало ожидаемое слово:
— Дорожка!
В ту же минуту Заремба, державший снаряд в руках, слышал команду Джавахадзе:
— Осколочным, заряжай!
Более хладнокровно, не так суетясь, как в первое время, Василий дослал осколочный в канал ствола.
— Готово!
Грубой наводкой Джавахадзе успел поймать макет противотанкового орудия «противника». Наводчик с трудом удерживал мишень в поле зре¬ния. То перед взором возникала земля, то небо, и между ними появлялся и исчезал макет орудия, который надо было поразить в какую-то долю секунды. Уловив момент, Джавахадзе выстрелил. Сквозь смотровые щели Чумак и Сочнев увидели, что попадание оказалось прямым: макет противотанкового орудия разлетелся в щепки.
Цель уничтожена! — воскликнул командир взвода, и Джавахадзе скомандовал:
— Пулемет, заряжай!
Василий взял снаряженный диск.
— Пулемет, готов!
Длинные очереди поразили мишени. Результат стрельбы был отличным.

ОШИБКА

Политотдел соединения поручил Григорию Сочневу рассказать на семинаре группарторгов о воспитании отличников в роте. С наброском плана своего выступления старшина направился к Кирееву и, узнав, что капитан уехал на рекогносцировку местности к ночным занятиям, завер¬нул в палатку Чумака.
Старшему лейтенанту приятно было, что его механик-водитель будет делиться опытом на важном партийном совещании. Чумак одобрил план, предлагал дополнить его еще несколькими положительными примерами, но высказался против того, чтобы группарторг назвал Зарембу среди танкистов, овладевающих смежными специальностями.
— Давно ли Заремба приносил нам одни неприятности, а вы зачем-то решили похвалить его. Не думаете ли вы, что он действительно на¬мерен стать механиком-водителем?
— Я в этом уверен, товарищ гвардии старший лейтенант! Заремба уже хорошо ведет танк на подъемах и спусках, а в теории разбирается как опытный механик. Он просит взять его на танкодром вместе с моло¬дыми водителями. Разрешите. Ему вполне можно доверить повести ма¬шину через препятствия.
-— К чему вам возиться с Зарембой? — сухо обрезал Чумак.— Вы, видимо, забыли свои обязанности инструктора по вождению. Вам пред¬стоят занятия с молодыми механиками, вы отвечаете за их подготовку перед командиром полка, а для заряжающих нет больше в программе часов для вождения. Достаточно того, что они знают.
Сочнев не стал бы возражать офицеру, но он подумал, что поступит неправильно, если, как группарторг, не объяснит молодому коммунисту, как важно пойти навстречу желанию заряжающего, который еще

совсем недавно не проявлял интереса к профессии танкиста. И старшина так¬тично напомнил:
— Заремба все больше увлекается вождением, я с ним занимаюсь в свободные от занятий часы, и на танкодром мы выедем до начала общих тренировок. На плановых занятиях это никак не отразится, товарищ гвардии старший лейтенант.
— Я уже вам сказал: не могу позволить!
— Тогда разрешите обратиться к капитану Кирееву. Он не раз тре¬бовал добиваться взаимозаменяемости в экипаже.
— Обращайтесь хоть к генералу! — вспылил Чумак и, поднявшись из-за стола, взял фуражку.
Сочневу осталось только откозырнуть и удалиться.
Занятия на семинаре группарторгов не давали Сочневу возможности поговорить с Киреевым о Зарембе. Возвращаясь в роту во время переры¬ва на обед и вечером, старшина первым делом спрашивал у дежурного, где находится капитан, и неизменно слышал, что тот выехал на танко¬дром, на стрельбы или находится в штабе полка.
Встретился он с Киреевым в штабе после семинара, когда капитан выходил из офицерского класса. Ротный первым заметил старшину и шел ему навстречу.
— Расскажите, как прошло ваше выступление. Не раскритикова¬ли? — капитан был весел, возбужден. Он крепко пожал руку стар¬шине.
— Наоборот, товарищ гвардии капитан. Начальник политотдела рас¬хвалил нас. Даже слишком. Ума не приложу, зачем понадобилось в об¬разцы меня вытаскивать. Неловко чувствую себя перед другими группарторгами, будто сам на хвальбу напросился.
— Значит, поделом и хвалят. Или вам легче, когда поругивают?
— Не скажу, чтобы легче, - улыбнулся старшина, — но для дела полезнее.
Киреев от души рассмеялся.
— Если критика вам приятнее, то не ждите от меня доброго слова. Шерстить вас буду беспощадно!
— Приятного мало, — засмеялся и Сочнев.— Но когда я начал в мо¬розные дни подставлять голую спину под ледяную воду, меня даже оторопь брала. Это уже потом, глядя, как вы это делаете по утрам, я привык закаляться. Вот и пытаюсь привыкнуть к критике, как к ледяной воде,— успокаивающе действует.
Улыбка не сходила с лица Киреева. Он уже слышал от подполковни¬ка Донца, как тепло встретили на семинаре выступление Сочнева, и то, что группарторг воспринял хвалебную оценку начальства спокойно, не поддаваясь восторгам, было по душе командиру роты. Миновали широкую, ровную, как стрела, штабную линейку, по которой вдаль убегали желтовато-белые электролинии. .   — Коснулись на семинаре и нашего ротного комсомола, — продолжал Сочнев. — Не знаю, прав ли я был, но все же сказал то, что чувствую: живости ему не хватает, задора. Трудно было в боях, а сколько комсомольцы делали! Теперь сижу на их собраниях и удивляюсь: гово¬рят вяло, скучно. Некоторые от слова к слову пишут свои выступления, будто сдают на ученую степень. Даже повестки дня собрания и те копируют у партийной организации: «Итоги и задачи на летний период», «Итоги и задачи на зимний период». Я говорю Протасене: «Спросите у   комсомольцев, чем они хотят заняться, что они хотели бы обсудить на собрании? Может быть, об овладении смежными специальностями или о моральном облике советского воина?» А он снова за старое: «Докладчиков дадите?» Какие-то иждивенцы — все подай им готовеньким.— Не мы ли с вами прежде всего виноваты, товарищ группарторг? — отозвался Киреев, терпеливо выслушав старшину.— По-вашему выходит, что комсомольцы чуть ли не должны знать больше нашего. Часто ли мы им подсказываем интересные повестки дня, горячее, по-настоящему юношеское дело? Редко. А ведь нас в роте четыре коммуниста, все : в комсомоле были, все вспоминают: «Эх, до чего раньше живо работали, горы воротили». Кто же мешает нам сейчас с комсомолом горы воротить? Смотрите, как хорошо в последние недели Протасеня и Киримов органи¬зовали спортивные соревнования. Увлекли Зарембу в гимнастическую секцию, и сейчас он там бывает почти ежедневно.
Они проходили через молодой лесок. Несмотря на прошедшие силь¬ные дожди, стволы сосенок и ветви были сухими и тощими. Киреев слегка зацепил рукой ветку, она со звонким треском упала к его ногам.
— Кажется, что нужно этой молодой поросли? Были обильные дож¬ди, есть хорошая почва, достаточно солнца. Все же она ждет руки чело¬веческой, чтобы убрала лишнее, дала деревьям простора, воздуха, без которых слабые засохнут, погибнут.
— И я так думаю, но, к сожалению... — и Сочнев вдруг спросил: — Можно с вами поговорить по одному щекотливому делу?

— Пожалуйста, зайдите ко мне, поговорим.

Сочнев доволен был, что в палатке темно. Трудно было рассказать о разногласиях с Чумаком, и ему показалось, что выражение растерян¬ности, которое он органически не терпел у других людей, появилось на его собственном лице.

— У меня получился спор со старшим лейтенантом Чумаком.

— Спор? С командиром? Что-то не похоже на вас.

— Да не то это слово, конечно. Я попросил разрешить мне без ущер¬ба для обучения других водителей заняться с Зарембой на танкодроме. Старший лейтенант не дал согласия. Единственное, чего я добился, это разрешения обратиться к вам.

— Вы могли и без спора обратиться ко мне по поводу Зарембы. Нема¬ло серьезных вопросов мы с вами, как с группарторгом, решаем, а этот не так уж сложен.

Сочнев невольно вздохнул:

— Видно, опыта нет у меня, руководить партийной группой. Куда мне, старшине, направлять офицера... Хотел лучше сделать, когда обра¬тился к старшему лейтенанту Чумаку, а получилось...

— Получилось, что вы своего добились. Вашу просьбу я поддержи¬ваю, и Чумак поддержит. А насчет опыта, тут дело, Григорий Игнать¬евич, больше всего в партийной душе — в том, как вы людей сумеете, по¬вести за собой и в учебе и особенно, если придется, в бою. Волнующее чувство охватывает молодых солдат перед вождением. Много часов они изучают материальную часть машины, не раз с зави¬стью глядят, как мастерски управляют танком командиры и механики, и часто мечтают о том дне, когда будут самостоятельно водить боевую машину, преодолевать на ней препятствия и заграждения. Но в армии распорядок строг, и если в программе нет плановых занятий по вожде¬нию с наводчиками и заряжающими, то редко кому из них выпадает счастье выехать на танкодром с механиками-водителями.

В то утро, когда Заремба прибыл на танкодром, он все еще боялся, чтобы кто-нибудь не изменил решения командира роты, все еще не мог поверить, что ему поручили выполнить упражнение по вождению танка.

К радости Зарембы все шло как нельзя лучше. На наблюдательной вышке он видел капитана Киреева и старшего лейтенанта Чумака, а на опушке леса — группу механиков-водителей роты. И только он да Гри¬горий Сочнев стояли у машины на исходной линии, готовые пройти по большому кругу танкодрома.

— Вы будете преодолевать препятствия с открытым люком, — ска¬зал старшина. — Проведете танк через ограниченный проход, болотистый участок, противотанковый ров и эскарп. Приступить к контрольному осмотру!

Придирчиво смотрел Сочнев, как Заремба проверял заправку танка, крепление деталей. Заняв место водителя, Василий запустил двигатель, убедился, что приборы и рычаги действуют безотказно.

— Машина исправна, к выходу готова! — доложил он.

Красные флажки просигналили: «По местам!» Пропустив вперед Сочнева, Василий нырнул в люк. Он заставлял себя все делать спокойно, как учил его и как делал сам механик-водитель. Но то, что старшина сидел сейчас не за рычагами управления, а справа от них, волновало За¬рембу. Казалось, что после команды «Вперед!» он слишком торопливо нажал ногой на педаль подачи топлива, а рукой на кнопку стартера.

Машина тронулась. Подпрыгивая на буграх, она приближалась к группе столбов, где надо было сделать несколько крутых поворотов. Нервно подергивались скулы на лице солдата. Прежде на своем газике он через чистое, сплошное, во всю кабину стекло мог заметить каждый камешек на земле. В боковом зеркале отражалась дорога позади ма¬шины. А здесь, даже через раскрытый люк, Зарембе были видны лишь квадраты поля в ямах и буграх да черный бруствер перед рвом неизве¬стной глубины и ширины.

Перед посадкой в танк Сочнев предупреждал Зарембу, чтобы он ко рву подошел на пониженной скорости. Но разве упомнишь все, когда че¬рез раскрытый люк ветер полными пригоршнями бросает в глаза иголь¬чатые крупинки песка, когда от обильного пота подкладка шлемофона прилипла ко лбу, к шее и что-то словно подступает к горлу и давит тебя... Заремба забыл в этот момент, что он может, рассчитывать на инструкто¬ра, забыл, что за 10—15 метров до рва ему надо перейти на низшую пе¬редачу и, растерявшись, еще сильнее нажал на педаль. И тут он почувст¬вовал, что педаль сопротивляется, не идет ниже, а сильно нажимает вверх на его подошву. Это Сочнев вовремя подставил под педаль носок сапога. Он предупреждал ошибку — единственно возможным в этом шуме и грохоте способом приказывал сбавить газ.

Заремба притормозил и посмотрел вправо. Сочнев держал кверху два пальца. «Значит, вторую»,— догадался солдат и включил передачу.

Чем ближе ров, тем старшина, подавшись влево, пристальнее смотрел через люк. Он не вмешивался в действия солдата. И только на самом препятствии был момент, когда Сочнев чуть не схватился за рычаги. Ма¬шина стала клевать, передние траки гусениц крутились вхолостую, нависая над рвом. Заремба сжался, но нашел силы подчинить себе танк. Как только гусеницы коснулись противоположного края, он увеличил обороты двигателя, и машина плавно вышла из рва.

Когда последнее препятствие было преодолено, Сочнев не удержался, тронул плечо Зарембы. Как приятно было это дружеское прикосновение! Василию показалось, что рядом находится его брат, что это жесткие, натруженные ладони Степана с мужской лаской коснулись плеча и он, Степан, учит его мастерству вождения, искусству побеждать в бою врага.

Старшина откинулся на спинку сиденья. Он решил сделать что-нибудь приятное для солдата и тут же подумал, что самым приятным для него будет — перестать опекать его, дать свободу действий. Василий почувст¬вовал это. Он повернул голову к Сочневу, и тот увидел его усталое, раскрасневшееся лицо, благодарный взгляд. Зарембе хотелось запеть от радости. Еще один поворот танка, и он увидит алый флаг на наблюда¬тельной вышке. Там ожидают его возвращения Киреев и Чумак. Заметив приближающуюся машину, капитан, наверное, скажет: «Видели такого заряжающего!» А через несколько минут офицеры услышат доклад Соч¬нева о том, как удачно он, Василий, брал преграды. И кто знает, может быть, Киреев прикажет сфотографировать его при развернутом знамени части и...

Что будет после фотографирования, Василий не успел додумать. Пе¬ред его глазами появился изгиб дороги с глубоким, измельченным гусе¬ницами многих танков песком. Ему надо было сделать побольше круг, но внезапно, рывком он потянул на себя рычаг, танк круто развернулся вправо, и не успел Сочнев исправить ошибку, как песок заполнил пространство между гусеницей и ведущим колесом, и гусеница порвалась. Если бы Сочнев стал ругаться, Зарембе было бы легче. Но старшина только пальцем показал в сторону мотора: «Заглушить», молча вышел из танка и принялся заменять трак, у которого лопнули проушины. Заремба стал помогать Сочневу, не смея поднять на него глаза. Стыд и обида му¬чили Василия и, чем дольше не разговаривал с ним старшина, тем больнее было ему, тем больше осуждал он себя. «Никчемный ты человек. Обещал быть осторожным, а сделал поломку в таком месте, что тебя следует ремнем отхлестать».

Глядя со стороны, можно было предположить, что старшина ни о чем больше не думает, как лишь о замене трака. Между тем внешняя урав- новешенность скрывала его переживания. Механик-водитель считал себя виновным в поломке — себя, потому что перестал контролировать Зарем¬бу, не учел, что после преодоления полосы препятствий новичок расслаб¬лен, что в нем может притупиться наблюдательность.

Сочнев и Заремба даже не заметили, как к ним приблизились офи¬церы.

— Кого из вас поздравить с успехом? — зло и насмешливо спросил старший лейтенант Чумак.

Еще не спускаясь с наблюдательной вышки, офицеры догадались, по : какой причине мог так оглушительно, надрываясь, зарычать мотор, по¬чему танкисты вышли из машины и стали возиться с гусеницей. Чумак сердито смотрел на подчиненных, а во взгляде Киреева были одновременно и сожаление, и укор.

— Товарищ гвардии капитан! — Сочнев стоял перед командиром роты, как всегда, подтянутый, спокойный. — Поломка произошла по моей: вине. Я перед занятиями не предупредил Зарембу, как надо правильно развернуть машину в глубоком песке. Он хорошо провел танк через все препятствия и заслуживает поощрения.

«Это неправда! — хотелось крикнуть Василию, но он только удивлен¬но глядел на Сочнева. — Он хочет снять с меня вину, чтобы командиры и дальше доверяли мне водить танк». Василий подался было к Кирееву, но Чумак заговорил раньше:

Или вы растеряли свой опыт лучшего в полку инструктора вожде¬ния, товарищ гвардии старшина, или вы пытаетесь выгородить Зарембу. Я склонен думать второе. Вы чужой груз взваливаете на свои плечи, благо, они у вас широкие.

— Я никогда не кривил душой, товарищ гвардии старший лейте¬нант, — тихо и твердо ответил Сочнев.

Заремба совсем растерялся. Пальцы его машинально сгибались и разгибались, взгляд бегал по сторонам, не будучи в состоянии остано¬виться на чем-либо. Слова Сочнева пошатнули появившуюся в нем толь¬ко что решимость. Он не был теперь уверен, правильно ли разбирается в происходящем или горячность толкает его на необдуманный шаг? «Сочнев не может сказать неправду офицерам. Он честный человек, ком¬мунист, фронтовик. Но ведь это я разорвал гусеницу, а не он».

— Это я виноват, я один! Мне нельзя доверять машину. Мне ничего нельзя доверять!
Киреев, с которого Василий не спускал воспаленных глаз, смотрел внимательно и строго на солдата, потом повернулся к Чумаку:
— Возвращайтесь на вышку. Я займусь ремонтом.

ГЕНЕРАЛЫ

Фрол Петрович Жезлов полулежал в широком кресле и, держа на подлокотнике книгу, читал ее вполголоса, пришлепывая губами. Одет он был в теплую, покрытую ворсом пижаму, на ногах — домашние туфли. Тот, кто не знал Жезлова близко, скорее всего, принял бы сейчас этого грузного мужчину за гражданского человека, имеющего отношение к какой угодно отрасли деятельности, только не к военной. На деле же Фрол Петрович и в стужу, и под дождем, и под горячим солнцем неде¬лями находился на полевых занятиях и учениях. В свои без малого шестьдесят лет он был настолько подвижен, что его старым друзьям ка¬залось, будто он все тот же неугомонный боец первого бронеотряда кон¬ной армии Буденного. Да и сам Фрол Петрович временами ощущал в себе неукротимую энергию тех незабываемых лет, с которых он считал себя танкистом. Хотя двенадцать старых броневичков, входящих в отряд, нельзя было называть бронетанковыми силами, но их зародышем отряд явился. И Жезлов гордился тем, что именно на буденновских броневичках он принял боевое крещение. Бывая на учениях, он часто садился в танк, часами и сутками трясся в машине с закрытыми люками, вместе с солдатами переносил невзгоды походной жизни, показывая молодежи, на каком сильном огне закалена воля бывалых воинов.
Только сердце Фрола Петровича все чаще пошаливало. И сегодня дочь заставила его остаться дома, вызвала врача, и тот уложил его в по¬стель, запретив ходить даже по квартире. Но разве улежит генерал Жез¬лов, когда у него оказались собеседники, с которыми он много лет меч¬тал поспорить?.. Было время, сталкивался он с ними на поле боя. Ну, там, конечно, беседа какая—огнем! Затем, когда Фрол Петрович оказался в Берлине, те за несколько дней сбежали на запад, к амери¬канцам. И все же, хотя и с опозданием, встреча, наконец, состоялась.
Время от времени Фрол Петрович прикрывает книгу, оставляя вместо закладки палец, глядит сквозь стекла пенсне на черные буквы заглавия, качает большой, круглой, с редкими седыми волосами головой и ухмы¬ляется:
— Так вот вы какие, генералы!
Во всем доме, кроме него, — ни души. Верочка ушла в лабораторию института, обещала вернуться пораньше с лекарствами. Первый этаж совсем пустует. Семья члена Военного совета генерала Зорина на даче, а Андрей Михайлович уехал на сборы в Москву. Никто и ничто не ме¬шает читать, думать, спорить с самим собой и с авторами книги. «Когда вы речь ведете об отдельных военных операциях,— мысленно обращает¬ся к немецким генералам Фрол Петрович,— то проявляете нередко и глу¬бокие знания и эрудицию. Но как только начинаете рассуждать о причи¬нах своего поражения и нашей победы, то уподобляетесь голому коро¬лю, становитесь настолько бессильными и ограниченными, что диву даешься. Какие же из вас стратеги, если свое бегство вы объясняете или русскими морозами, или ошибками одного бесноватого Гитлера! Вы из кожи лезете вон, чтобы выгородить себя, обелить перед историей, перед своим народом. Боитесь ответственности за собственные преступления и тасуете факты, как промотавшиеся игроки. Вы пытаетесь найти любую причину, лишь бы не признать нашу силу, превосходство нашего, совет¬ского строя, победившего ваш, гнилой, фашистский. Нет, господа, не по¬нять вам, почему мы разбили вас, почему наша армия оказалась силь¬нее».
— С кем это ты споришь, Петрович?
Жезлов поднял голову, увидел стоящего в дверях генерал-лейтенанта Зорина и понял, что заговорил вслух.
— С битыми генералами спорю,— он протянул Зорину книгу.— Про¬ходи, садись. Хорошо, что я велел Верочке оставить двери открытыми, иначе не достучался бы. С приездом.
Высокий, с худым лицом, с быстрым взглядом узких горячих глаз, Андрей Михайлович Зорин энергичным шагом прошел из конца в конец огромного кабинета, пожал волосатую, с обрубком пальца руку Жезлова, взял у него книгу и занял стул напротив.
— Не дело, Петрович, во время болезни читать этих горе-теоретиков. Ты скажи мне, как ты себя чувствуешь.
— Завтра буду в штабе.
— Что?!-вскочил Зорин . Запомни. Если ослушаешься врача, то командующий накажет. Он велел это

передать. Ложись в постель, ты устал от этой книги.
— Не спеши. Дай хотя бы поговорить с тобой о Москве. Что новень¬кого на этот раз видел?
Андрей Михайлович придвинул ближе стул, опять присел и, увлек¬шись, стал подробно рассказывать, как прошли в Министерстве обороны сборы командующих округов и членов Военных советов.
— Много любопытного нам на сборах показывали: ракетную тех¬нику, новые самолеты, танки, орудия и, честно признаюсь, за себя побо¬ялся: охвачу ли я все это? Не устарел ли? А ты, Фрол Петрович,— Зо¬рин подмигнул, полушутливо, полусерьезно, — отстать не боишься?
— От тебя — не боюсь. А от молодежи?..— задумался, покачал седой головой.— Не знаю. По крайней мере, стараюсь не отстать. Только серд¬це со мной считаться не хочет.
Зорин спохватился, нагнулся к товарищу:
— Ну, брат, отвлек ты меня разговорами. Наш регламент, как всег¬да, оказался в районе часа, а я намерен был уложить тебя немедленно в кровать. Прости.
Фрол Петрович послушно обнял тонкую талию Зорина и пошел через столовую в спальнюЕже давно ушел Андрей Михайлович, уже начало темнеть на улице, а Веры все еще не было. Фрол Петрович дождался, пока часы пробили девять, и стал было одеваться, чтобы вернуться в кабинет и позвонить по телефону в лабораторию. В это время послышался стук в дверь и шаги дочери — быстрые, нервные, настороживившие Жезлова.
Она внесла в спальню лекарства, поставила их на ночной столик», отошла, отворачивая лицо от отца.
— Погляди на меня, Верочка
Она приподняла худые плечи, словно хотела спрятать в них коротко остриженную голову, теперь Верочка совсем походила на курносого маль¬чишку.
— Я жду.
Вера боком приблизилась к изголовью. Лицо было воспалено румян¬цем. На глазах показались слезы.
— Что случилось?
— Мне сейчас рассказали... Валерий был в кафе... с молодой женщи¬ной. Он сел с ней в военную машину и...
Вера задыхалась, кусала губы, он легонько гладил ее волосы.
— Когда это было?
— Две недели назад. Он даже не написал, что был здесь. Значит...
— Объясни толком, кто тебе об этом говорил?
— Моя лаборантка. Она однажды видела меня на улице с Валерием.
— Однажды? Очень возможно, что она обозналась, даже совсем определенно, обозналась. А ты как маленькая. Нельзя же так, Верочка!
Фрол Петрович успокаивал дочь, вытирал, как в детстве, ее слезы, а сам чувствовал, что тревога ее не напрасна.
Жезлов «е хотел, чтобы Вера вышла за Валерия замуж. Тот не нра¬вился ему с первой встречи. Чумак много распространялся о своих успе¬хах в училище, заискивающе расспрашивал о том, где лучше служить молодому офицеру. Фрол Петрович высказывал свои сомнения дочери, но она ему отвечала, что он не знает, какой Валерий хороший. Она не говорила, как его любит, но это было видно и без ее уверений и слов.
Какой отец не хочет счастья своей дочери, да еще единственной! Он надеялся, что Вера будет всегда и везде возле него, а тут молодого офи¬цера должны были для пользы службы и, как генерал считал, для его личной пользы послать в строй в далекий гарнизон. Фрол Петрович был на распутье. Но когда Вера попросила его помочь Валерию остаться в. штабе округа, он, идя на этот раз против своих убеждений и поддаваясь эгоистическому желанию не отпустить от себя дочь, дал согласие.
Через год Фрол Петрович увидел, что худшие его опасения сбывают¬ся. Старший лейтенант Чумак — адъютант начальника одного из управ¬лений округа — возомнил себя большим военным специалистом, задрал нос, ленился пешком пройти улицу. Он раздобрел в свои двадцать четы¬ре года, обрюзг. К Вере стал относиться холодно. Да и была ли у него к ней прежде нежность, не говоря уже о любви? Когда отец понял это, он, ничего не говоря дочери, попросил начальника штаба послать Вале¬рия командовать взводом. И тогда Чумак уехал к Мякинину. «Способен ли он быть около дома, так близко от жены, и не зайти?—спрашивал себя отец.— Да, способен. Но это еще не доказательство, что он это сде¬лал. Зачем расстраивать Верочку?»
— Дай мне, пожалуйста, лекарство,— попросил он.

Продолжая всхлипывать, Вера дрожащей рукой наливала лекарство в ложку. «Неужели Валерий может так скверно поступать со мной? Нет. Это наговорили на него. Из зависти».

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВО

Подполковник Донец предупредил Киреева, что для офицеров полка выделили три квартиры в новом доме, и посоветовал пойти к Мякинину с рапортом.
— Я за два года пять рапортов писал, и на каждом резолюция. Ты же, Николай, знаешь об этом.
— Пиши шестой и сейчас же иди к полковнику. Ты должен увидеть¬ся с ним.
Больше десяти лет длилась дружба двух офицеров. В одном баталь¬оне они воевали. После войны, когда Киреева послали на Дальний Во¬сток, они первое время переписывались, а потом потеряли друг друга. Тем приятней и радостней была их встреча снова в одной части. Здесь, в танковом полку, давнишняя дружба пустила еще более глубокие корни, и фронтовые товарищи стали понимать друг друга с полуслова. Не случайно Алексей не стал допытываться, зачем понадобился шестой рапорт. Он понял, что Донец сказал ему больше, чем мог.
Трудно было Кирееву писать рапорт. Казалось неудобным рассказы¬вать о мытарствах семьи. Но тут же он вспоминал письма жены.
Последнее вызывало острую боль. «Близится зима. Сырость в комна¬те подтачивает здоровье детей. Ты бы посмотрел, как побледнела Светоч¬ка, она подозрительно кашляет, и я очень беспокоюсь за ее легкие. Из¬вини, Алексей, за резкость, но, если в новом доме, который готовится к заселению, нам квартиру не дадут, я буду вправе думать, что ты не хо¬чешь заботиться о детях».
С волнением и надеждой направился Киреев в штаб. Ему сказали, что полковник будет весь вечер работать дома, и капитан пошел к нему.
Командир полка лежал на тахте и курил папиросу. Тщательно выбри¬тое лицо было припухшим и выражало досаду. Недовольный, что его разбудили, Мякинин не ответил на приветствие, не приподнялся. Сквозь зевок произнес:
— Слу-у-у-шаю.
Алексей подошел ближе, протянул полковнику рапорт. Но тот не взял. Пришлось положить бумагу на стол и рассказать о своей нужде в квартире. Чувствовал, что говорит сбивчиво, не так, как нужно, но ина¬че не мог: нервировало безразличие, с которым его слушал полковник, и Киреев замолчал.
— Ничего, к сожалению, я сделать для вас не могу. Придется еще какое-то время потерпеть,— сказал Мякинин, подняв глаза на Киреева, но тут же опустил их, стал тушить в пепельнице окурок.
Алексей глядел на белые, пухлые пальцы Петра Герасимовича, на пе¬пельницу, окурок, и ему стало мерещиться, что пепел бугрится, нара¬стает, закрывает пальцы, руки полковника и постепенно всю его боль¬шую фигуру вместе с тахтой. Взор застилала густая дымчато-серая за¬веса. Сквозь нее до слуха долетал ледяной, казалось, очень далекий голос Мякинина:
— Мне нужно улучшить бытовые условия многих офицеров, а в но¬вом доме дают для полка всего лишь три квартиры. Так что наши поже¬лания расходятся с возможностями. Ничего не попишешь...
Дымчатая завеса улетучилась. Киреев увидел Мякинина на ногах. Взор Петра Герасимовича был устремлен на стол; он читал рапорт.
Алексей неотрывно следил за полковником, надеялся, что он обдумы¬вает, как лучше сделать, как правильнее распределить квартиры. «Остро нуждающихся не так уж много. Большинство офицеров обеспечено луч¬ше, чем я. В чем же причина отказа?.. Может быть, Мякинин сейчас вспоминает свой разговор с Донцом. Николай Кузьмич, конечно, за меня хлопотал, доказывал, что моя семья больше нуждается, чем другие. Возможно, полковник все-таки изменит решение, подпишет рапорт».
Но как ни хотел уловить Киреев признаки благожелательства, их на лице полковника не было. Оно выражало лишь недовольство и нетерпе¬ние. «Не о квартирах он думает, не о том, что я просил. Нет! Киреев не мог дольше оставаться в домике полковника.
- Разрешите идти?
Нет, останьтесь! Должно быть, Мякинин перехватил негодующий взор Киреева. В нем загорелось желание подержать подчиненного по стойке «смирно», чтобы он не смел дерзить даже в мыслях, даже взглядом.
— Вы становитесь на скользкий путь, Киреев. Выгораживаете сол¬дата, который допустил поломку танка. Как вы смели не доложить мне об этом? Почему не наказали Зарембу?

Бисеринки пота заблестели на лбу Алексея, лицо покрылось пятнами.
— На танкодроме был начальник штаба полка, и я ему докладывал, товарищ гвардии полковник. Неисправность была незначительная и уст¬ранена за час. Наказывать солдата я считал несправедливым: он не¬умышленно сломал трак.
— Вы ждете, чтобы умышленно! Что ж, ваш подопечный и на такое способен. Мне надоело слушать о его проделках, немедленно посадите его на пять суток строгого ареста, а сами вы, капитан...
Стук в дверь прервал Мякинина. Он недовольно повернулся, крик¬нул: «Войдите!» В комнату вошел подполковник Донец.
— Товарищ гвардии полковник, я по важному делу. Прошу освобо¬дить капитана.
Полковник кивнул в сторону Киреева: «Можете идти!» и, проводив его строгим взглядом, язвительно спросил Донца:
— Не такое ли у тебя, Николай Кузьмич, срочное дело, как у капи¬тана с квартирой?
Донец, перехватив взгляд полковника, заметил рапорт, сиротливо ле¬жащий на краю стола, и понял, что Мякинин отклонил просьбу Киреева.
— Я вижу, вы все-таки отказали. Это несправедливо.
— Справедливо или нет — мы уже сегодня с тобой говорили. Садись и скажи лучше, с чем так рьяно пришел.
Минуту Донец молчал. Он мысленно ругал себя за то, что не дога¬дался с Целищевым, до передачи дел Мякинину, оформить приказом распределение квартир в строящемся доме. «Даст ли что-нибудь по¬вторный разговор о предоставлении квартиры Кирееву? Нет, здесь, пожалуй, все возможности исчерпаны»,— решил Николай Кузьмич, сел и объяснил причину своего прихода.
— Хочу с вами посоветоваться о повестке дня на партийном бюро. Мне кажется, надо обсудить поведение капитана Осадчего.
— Что произошло?
— Он странно воспринял ваши указания о подготовке к приезду комиссии: заводит на нарушителей новые карточки взысканий и поощ¬рений, не занося в них прежних взысканий.
— Ты, его, надеюсь, по головке не погладил,— спокойно произнес Мя¬кинин и начал прохаживаться по комнате от тахты к письменному сто¬лу и обратно.
— Я его предупредил, но дело не только в административных ме¬рах. У Осадчего и прежде замечались попытки очковтирательства — помните, на стрельбище?
— Предупредил, и хватит. Я еще с ним поговорю. А вот Киреева того действительно следует обсудить на бюро.
— За какую провинность?
— Хотя бы за дерзкий разговор со мной, за укрывательство поломок боевых машин. Он мне роту развалит.
— У Киреева лучшие результаты по боевой и политической подготов¬ке, товарищ гвардии полковник. Как понять ваше отношение к опытно¬му, растущему офицеру?
— Растущий?! Да, я и забыл, что вы старые друзья и что тебе не хочется видеть его недостатки. Допускаю, капитан — умный чел9век, но он мягкотел, беззуб в должности командира роты. Ему больше подходит какая-нибудь узкоштабная работа, он ведь любит пописывать…Вакан¬сия в штабе полка для него есть, и на место Киреева имеется хороший офицер. Чумак?!
Мякинин воспринял восклицание Донца как признак обычного удив¬ления.
— Ты, однако, догадлив, Кузьмич. Это действительно растущий офи¬цер, и прислали его к нам из штаба округа, конечно, не за тем, чтобы он засиделся командиром взвода.
— Выходит, это ваше решение Донец поднялся, заговорил отры¬висто, взволнованно: — Я буду категорически возражать. Старший лей¬тенант еще не проявил себя, чтобы доверить ему роту. И Киреева нель¬зя переводить в штаб. Я знаю, что там за вакансия — скоро солдата-писаря посадят на то место.
Самообладание, которым так гордился Мякинин, покинуло его.
— Вы, товарищ подполковник, забываете, что ваш долг укреплять единоначалие, а не подкапываться под меня. Задумывался я, почему мне так трудно работать в последнее время в полку. Теперь понимаю — из-за вас. Поддерживать меня не желаете, а случись незначительное проис¬шествие— вы бежите не только в политотдел соединения, а даже в об¬ком, которому и знать не положено, что в армии делается.
— Не положено?! Вы оговорились, товарищ гвардии полковник, или действительно так думаете?
— Говорю, что думаю.

— Значит, считаете, что армия — какое-то государство в государстве, что мы, армейские коммунисты, даже в обком не можем обращаться! Вы знаете, что я ездил туда договариваться о воскреснике танкистов на уборке урожая. И если вы возражаете против поездки политработников в обком даже один раз в год, то как вы отнесетесь к партийному руко¬водству в крупных делах?
— Опять мне мораль вздумали читать? Хватит, надоело, я уже давно воспитанный, без ваших нравоучений!
Некоторое время только и слышно было, что тяжелые шаги Мякинина. На лбу Донца сбежались морщины. Он задумчиво произнес:
— Убеждаюсь, к сожалению, что мы с вами стоим на различных по¬зициях. Поэтому скажу вам, чтобы вы знали наперед: увижу серьезные упущения в полку, не сумею вам доказать своего мнения, не сумею по¬мочь исправить недостатки на месте — дойду тогда до Военного совета, до Центрального Комитета партии. Так меня учили понимать свои обя¬занности, и вам, товарищ гвардии полковник, меня не переделать.
Петр Герасимович отошел к окну, чтобы скрыть от подчиненного свою растерянность. И прежде у него были разногласия с замполитом, и преж¬де тот был неуступчив в принципиальных вопросах, но все же Петр Ге¬расимович не ожидал подобного отпора. «Некстати я погорячился. Те¬перь нужно с ним миром, а не спорами»,— подумал Мякинин.
Минуты две Николай Кузьмич видел его широкую спину и массивный затылок. Но вот полковник обернулся. С лица исчезли начальническая суровость, гневные бороздки у рта. Выражение укоризны смягчилось виноватой улыбкой.
— Не ожидал я, Кузьмич, что ты так превратно поймешь меня, ей-ей, не ожидал. Нас с тобой свели, мой дорогой, вовсе не для того, чтобы мы ссорились. Считаешь ненужным перемещение Киреева, что ж, пусть бу¬дет по-твоему.

В поздний вечерний час Петр Герасимович, уравновешенный и слово¬охотливый, встретил жену.
— Тебе, надеюсь, понравилось у Хачатуровой? Я так рад, что она тебя пригласила,— он поцеловал жену в висок, где пульсировала нежная синяя жилка, предупредительно снял пальто, взял из рук шляпку, понес одежду в другую комнату и, возвратившись, добавил: — Рассказывай, милая.
— Что тебе, Петр, рассказывать...— она показалась ему очень уста¬лой. — Разговор был обыкновенный, женский. Она простая, гостеприим¬ная, только мне неудобно было без тебя, когда пришел генерал, — не люблю его взгляда.
— Ты ему нравишься, вот и все, Да кому ты не понравишься, такая обаятельная.
Она отмахнулась от него, не улыбнулась, как бывало.
— Разговор с Хачатуровой при всем моем желании не клеился. Воз¬можно, потому, что она женщина пожилая, интересы у нас разные... и я каким-то шестым чувством ощущала, что ей не по душе мое посещение: женщины в ее возрасте, очевидно, боятся за мужей. Нет, я больше к ним одна никогда не пойду.
— Напрасно, Зиночка, он обнял ее плечи и, усадив на тахту, сел рядом. — Неужели ты думаешь, я стал бы уговаривать тебя идти к ста¬рухе, если это не вызывалось бы необходимостью. Нельзя в наше время жить без связей, без таких друзей.
Она вздохнула. Мякинин стал убеждать жену:
— Я понимаю твое нетерпение, ты давно заслуживаешь быть среди первых. Но потерпи, дорогая. Как раз обстановка складывается в мою пользу. Пока Целищев учится, пока он побудет в отпуску после акаде¬мии, я сумею показать, на что пригоден Мякинин, сумею свободно по¬стучать в те двери, которые за это время должны передо мной открыться, обязательно должны!
— Ты никогда со мной не был столь откровенным, Петр. Я узнаю какие-то новые качества в тебе.
— Это потому, что я все больше тебя люблю и доверяю, моя бесцен¬ная, потому, что ты поможешь мне.
— В чем это? — нижняя губка оттопырилась, по-детски наивным сде¬лался ее взгляд. — Не понимаю. Каждый вечер Хачатурову обхаживать, что ли?
— Что ты, дорогая, это грустное занятие. Мы с тобой завтра совер¬шим замечательную поездку в округ. Приготовь свои наряды, при¬годятся.
— Наконец-то! — вырвалось у нее радостно, и Зина прижалась к мужу. — Но ты опять будешь меня оставлять одну на целые дни?
— Нет, Зинуля, на этот раз план совсем иной. Он тебе очень понра¬вится.

— Какой же?
— С нами поедет старший лейтенант Чумак. Мы посетим генерала Жезлова.
Она вдруг отстранилась от мужа, сбросила с плеча его руку.
— Зачем они тебе понадобились?!
Восковая бледность покрыла ее лицо, глаза заблестели лихорадочно и гневно. Петр Герасимович не мог понять состояния жены. «Прежде,— размышлял он,— Зинаида с удовольствием принимала Чумака, а в по¬следнее время перестала о нем спрашивать. Значит, у нее к Чумаку был мимолетный интерес. Из-за чего же она возмутилась? Неужто ей трудно пойти со мной к Жезлову, повлиять на его дочь, а через нее и на отца?»
Зинаида долго молчала, и это обидело Петра Герасимовича. Он на¬хохлился, не нашел ничего лучшего, как сказать:
— Ты, милая моя, не притворяйся, что тебе с Валерием Чумаком неприятно будет вместе поехать. Я кое-что понимаю в женском сердце.
Она встала, медленно пошла к дверям спальни и, приподнимая портьеру, обернулась:
— Коль у тебя хватает ума понять женское сердце, тогда поступай,как хочешь.
Прошло несколько минут, и Петр Герасимович уже терзался тем, что не выяснил причин непонятного поведения жены, не успокоил ее. Во¬шел в спальню, увидел ее возле окна с опущенной головой.
— Зиночка, извини меня, если обидел. Может быть, тебе неприятно приходить в чужой дом, тогда попрошу тебя пойти со мной к Жезловым один лишь раз. От этого зависит и мое, и твое будущее. — У меня нет будущего.
— Что за поведение? Что за речи?— в его голосе зазвенели властные нотки.— Я кажется, имею право сказать своей жене: «Мы едем, это не¬обходимо!»
Зинаида Степановна обернулась:
— Хорошо. Я выполню твой приказ. Я еду.
В другой раз Петр Герасимович, возможно, разглядел бы у жены признаки гнева и отчаяния. Но тут, услышав ее согласие, он ощутил только удовлетворенность и поспешил в другую комнату.
Зинаида Степановна слышала, как муж крутил ручку полевого теле¬фона, потом велел позвать к аппарату Чумака.
— Старший лейтенант Чумак? Скажите капитану Кирееву, что штаб посылает вас в трехдневную командировку... Проездных? Не выписывай¬те. Вы поедете на рассвете со мной и Зинаидой Степановной в моей машине... Дела? Надеюсь, найдется у нас с вами время и в театрах по¬бывать, и к вам на квартиру заглянуть. Не боитесь познакомить меня с женой?.. Вот и хорошо. Значит, в шесть утра подойдете ко мне.

НЕОЖИДАННОСТИ

1

Хорошо было в палатке в личный солдатский час. Заходящее солнце пронизывало ее ярким светом, румянило лица танкистов.
Поджав под себя ноги, восседал на нарах в одних трусах ефрейтор Абай Киримов. Его скуластое лицо, мускулистое тело отливали бронзой. Положив на колени объемистую книгу, а поверх нее бумагу, он стара¬тельно, буква за буквой, выводил строчки письма. Закончив третий лист, написал адрес на конверте, с тыловой стороны цветными карандашами нарисовал дорогу и по ней четкие, бисером, буквы: «Дорогой Мамлакат. Жди. Скоро. Привет». Он любовался этой надписью, словно ребенок, который впервые вывел свое имя. Двум наводчикам, старослужащим танкистам, играющим рядом с Абаем в шашки, была понятна его радость: когда Киримов прибыл в армию, то не мог ни написать, ни произнести даже нескольких слов по-русски.
Ближе к выходу сидел Шота Джавахадзе. Его тонкие ловкие пальцы легко заставляли иглу выводить ровную мелкую стежку, уходить в глубь плотного ворота, взлетать вверх, увлекая за собой нить. Работая весело и с каким-то особенным шиком, Шота лишь изредка опускал глаза на пальцы, а больше смотрел в левый угол палатки, где у тумбочки, в про¬ходе между продольными и поперечными нарами, Заремба очищал влаж¬ными опилками задымленное дно солдатского котелка.
— Пойдем на стадион, генацвали - обратился Джавахадзе к Ва¬силию. — Скоро спартакиада будет. Первое место займешь — в Москву поедешь.
— Выдумаешь тоже — Москва. Кто я, рекордсмен какой? В третий раз прошу, не приставай.
Собственник ты! - осерчал, теряя терпение, Шота.

— Из тебя по¬ится замечательный гимнаст. Пойдем, а?
— Отстань, мне без твоей гимнастики тошно.
Джавахадзе неожиданно, без всякой связи с предыдущим, стал рас¬сказывать забавную историю.
— Знаешь, Кура? Река есть в Грузии — пенистая, как водопад, кап¬ризная, как девушка. Однажды старик стал через Куру на лодке ишака перевозить. Стоит ишак, глаза на воду пялит, задом на край прет, чуть-чуть старика не утопит. С трудом пристали к берегу. Старик соскочил, давай ишака вытягивать из лодки, а тот не идет, ногами упирается, ре¬вет, аж народ сбежался. Взялись помогать. Тянули-тянули, пока ишак не порвал ремень. Тут лодку потянуло на середину реки, закружило, и ишак полетел в воду. Длинные уши накрылись волной. Больше его ни¬кто не видел.
— К чему ты ишака вспомнил? — спросил Заремба.— Жалеешь, наверно, что не можешь его на стадион повести.
— И как ты, Васа, догадался? Умная твоя голова, — под хохот тан¬кистов ответил Джавахадзе. — У тебя, как у того ишака, железная прин¬ципиальность. Товарищи просят: «Иди на берег», а ты упираешься, в воду тянешь.
— Прикуси язык, — обиделся Василий за сравнение. — Он у тебя длинный, как дистанция на кроссе.
Джавахадзе опять перешел на серьезный тон:
— На стадион не хочешь, давай телевизор посмотрим.
— Сегодня праздничный передача, — прибавил Киримов, отложил разрисованный конверт и стал натягивать брюки. — Вместе пойдем.
Василий хотел было поддержать товарищей, как вдруг крыло полот¬на у входа откинулось, и со ступеньки в палатку спрыгнул Валентин Щеглов. Пилотка и рыжий чуб образовали на голове солдата два про¬тивоположных холма — пилотка над левым ухом, чуб — над правым. К удивлению всех, гимнастерка на Щеглове была аккуратно заправле¬на, и весь он, от выбритого острого лица до начищенных сапог, был праздничный и словно приутюженный.
— С освобождением тебя, дружище Василий! — воскликнул он ве¬село.— Зачем скучаешь после гауптвахты? Пошли, важный разговор имею.
— Ищи друга свой рота,— раздраженно заметил Киримов, недоволь¬ный появлением Щеглова.— Знаем твой дружба.
— Это твоя запела, Киримов? — передразнил Валентин своеобраз¬ный говор наводчика. — Как ни гнись, поясницу не поцелуешь.
— Я тебе такую поясницу покажу — по-пластунски из палатки вы¬ползешь!- возмутился Джавахадзе.
— А, еще один ефрейтор нашелся... Неспроста говорят: ефрей¬тор — испорченный солдат, от рядовых отбился, к сержантам не при¬бился.
Шота поднялся, угрожающе взглянул на болтливого Щеглова, но, увидев, что к нему подходит Заремба, обратился к последнему, кивая с сожалением головой:
— Эх, генацвали, генацвали...
Василий вышел из палатки первым. Не оглядываясь на Валентина, пересек переднюю линейку, спортивную площадку и направился к при¬чудливо освещенному вечерней зарей сосновому бору. Ему мерещилось, что стволы охвачены светло-вишневым пламенем, что у них, как и у него, огонь идет изнутри. Щеглов, догоняя Зарембу, что-то тараторил - смысл его слов до сознания Василия не доходил.

От быстрой ходьбы Заремба несколько успокоился. На опушке леса он остановился. Почему ты молчишь, Вася? В пятый раз тебя спрашиваю, за что над тобой измываются? Из-за чего страдаешь?
- Виноват, поэтому страдаю.
- Абсурд! Ты почти до механика-водителя поднялся, а они тебя за это на гауптвахту. Старайся для них после этого...
- Для себя старался, не для кого-нибудь.
- Конечно, для себя, я ж говорю, — вмиг перестроился Щеглов. Но ты хотел пользу роте, а они тебе в награду — строгий арест. Как ты только терпишь?
Заремба отошел в сторонку, оперся спиной о шершавый ствол сосны.
- Поделом терплю. Замолчи об этом. С момента поломки трака Заремба не переставал считать себя ви¬новатым. Работая вместе с Сочневым у распластанной на танкодроме гусеницы, он был уверен, что

не позднее вечерней поверки Киреев объя¬вит ему взыскание за поломку. Но прошел тот день, прошла неделя, и никто не обмолвился о неприятности при вождении. Один старший лейтенант Чумак косился на него как прежде, но о поломке тоже не загова¬ривал. Неожиданно, в один из вечеров, перед самым отбоем, старшина объявил ему о строгом аресте и увел на гауптвахту. Пять суток в тесной одиночной камере. Василия мучило не само по себе наказание, не то, что приходилось спать на голых нарах, а горячую пищу получать только через день,— его мучила неясность в поведении Киреева. Если капитан наказал бы его сразу после случая на танкодроме, если он хотя бы поговорил с ним перед арестом, легче было бы Василию. И в этот первый после гауптвахты день мрачное настроение не проходило, хотя Киреев и Сочнев, Джавахадзе и Киримов разговаривали с ним так, словно ничего не произошло. А тут, как назло, появился вот Щег¬лов.

— Уж такие они, офицеры: слова добрые произносят, а косточки пере¬малывают, аж до печенки доходит — критикой у них называется.

— Тебя-то на ротном собрании за дело, говорят, критиковали, и не офицеры вовсе, а солдаты.

— До тебя дошло? Ты поверил, Вася?!

— На гауптвахте краем уха слышал, сегодня подробности узнал. Не¬ужели, ты, правда, мать свою забросил?

В узких глазных щелках Валентина забегали шельмоватые зрачки. Он хотел оправдаться, но не выдержал настойчивого вопросительного взгляда Зарембы и опустил голову.

— Не брешут,значит! Бросил, значит! — тяжело выговорил Василий, прижимаясь спиной и локтями к дереву?

После пьянки Щеглова, в день годовщины полка, подполковник До¬нец написал его матери — работнице консервного комбината южного портового города. Ее ответ взбудоражил всю роту. Танкисты узнали, что отец оставил мать с тремя малыми детьми. Валентину было восемь лет. Мать надеялась на него, как на старшего, думала, что он будет ей помощником и отрадой в старости, а он пошел по стопам отца — в две¬надцать лет бросил школу, убежал из родного города. Через три года явился в лохмотьях, больной. Мать приодела его, определила в ремес¬ленное училище, но и оттуда он сбежал. Долгие годы не писал он матери, и только перед его призывом в армию мать случайно узнала, что Вален¬тин был судим за кражу и отбывал наказание. «Все мои надежды на командиров,— писала мать.— Умоляю вас, помогите сделать из сына честного человека».

Донец читал письмо всему личному составу третьей роты. Танкисты высказали Щеглову все, что они думали о нем, сурово, по-солдатски, предупредили его, но не оттолкнули от себя, поверили его обещанию ис¬правиться.

— Так вот ты какой! - Василий не спускал глаз с Валентина.— Мать обманул! Не серчай, Вася,— голова Щеглова поникла.— Я же на собрании признал: была у меня осечка.

— Осечка?!

Разговор с подполковником Донцом на гауптвахте заставил Василия задуматься. Он усомнился в искренности Щеглова, стал реже встречать¬ся с ним, но его все еще тянуло к приятелю, который проще, чем другие солдаты, смотрел на свои обязанности и продолжал даже в армейских условиях вести в какой-то степени независимый образ жизни. Теперь Василий начинал понимать мелкую душу Валентина.

...Память Зарембы сохранила еле уловимые черты материнского лица. Они нередко расплывались, теряли определенность, исчезали, и тогда было очень больно. Василий закрывал глаза, пытался перенестись мыс¬лями назад, в раннее детство, но четко мог вспомнить лишь угасающий, ласковый голос матери. Думая о своем исковерканном судьбой детстве, о том, что если бы мать была жива, он не знал бы ни голода в дни войны, ни обид от злых людей, Василий увидел в поступке Щеглова что-то кощунственное, крайне преступное.

— Уйди!— произнес он с натугой, сквозь стиснутые зубы.

— Пойду, ежели ты со мной,— еще раз попытался Валентин задоб¬рить Василия.— Знаешь, куда? К леснику. Там девчонки будут, потому и приоделся я.

— Уходи лучше...

— Ах, так! Трусишь, Киреева забоялся, таракана принимаешь за великана...

Василий оттолкнулся от сосны и крупно зашагал к палаткам.

2

В последние дни перед поездкой в округ Валерий Чумак перестал надеяться на встречу с Зинаидой

Степановной — встречу наедине, когда он мог бы объясниться, оправдать в какой-то мере свое поведение. Чаще всего казалось, что он не найдет необходимых слов, что услышит от нее ту же фразу: «Никогда, слышите, никогда не приходите к нам». До той ошеломившей его минуты Зинаида Мякинина нравилась ему, как нрави¬лись другие знакомые красивые женщины. Льстило, что он ей приятен, что лицо ее вспыхивает, когда она его видит. Теперь же, когда она от¬толкнула его, он стал думать о ней совсем не так, как о других «Поче¬му она отшатнулась от меня? Что ее остановило? Ведь она не любит Мякинина».

Мог ли найти Валерий Чумак ответы на такие вопросы, если он не давал себе труда заглянуть в душу Зинаиды Степановны, разобраться в ее запутанной жизни?

Временами оскорбленное мужское самолюбие подсказывало, что надо забыть о Зинаиде Степановне. Но чем чаще он внушал себе такие мысли, тем больше думал о ней, скучал, мучился.

Не удивительно, что, получив приглашение полковника Мякинина проехать вместе с ним и Зинаидой Степановной в округ, Валерий почти всю ночь не спал, придумывая десятки фраз, которыми можно восстано¬вить для начала хотя бы прежние дружеские отношения. Но утром, как только приблизился к дому Мякининых и увидел Зинаиду Степановну, все приготовленные слова улетучились. А она стояла возле готовой к поездке машины одна и ожидала чего-то от него, может быть, простого удивления, легкой шутки, которая возможно, сняла бы напряжен¬ность...

Через минуту с чемоданом выбежал шофер, следом вышел Мяки¬нин с портфелем в руках. Чумак даже обрадовался, что он, наконец, не один возле Зинаиды Степановны, что можно сесть в машину и ответить полковнику на вопрос, не хотел ли Киреев задержать его.

«Заняла место рядом с шофером, вероятно, только для того, чтобы не видеть меня...»

Несколько раз Петр Герасимович безуспешно пытался вовлечь жену в общий разговор. Он был весел, балагурил, и ему была неприятна мол¬чаливость жены. Она изредка односложно отвечала, ни разу не повер¬нув головы.

Накануне вечером, после того, как Зинаида Степановна убедилась, что Петр Герасимович не изменит своего решения и возьмет с собой Чу¬мака, она больше ни слова не сказала мужу. Собрала, как он велел, свои лучшие выходные платья, перегладила их, но мысли ее были далеки от нарядов, от известных театров, которые она давно мечтала посе¬тить. «Все годы нашей совместной жизни он любит лишь себя, ценит лишь то, что может украсить его жизнь, удовлетворить тщеславие, прихоти».

Явись такие мысли там, на зимней квартире, когда Зинаида Степа¬новна была наедине с Чумаком, она не оттолкнула бы его. А теперь, пос¬ле всех переживаний, после того, как в мыслях она уже отрешилась от мужа, презрение к Петру Герасимовичу перерастало в презрение к Чума¬ку. Встретив его сейчас и чувствуя на спине его взгляд, она думала о Чумаке почти с такой же ненавистью, как о Петре Герасимовиче. «Они все такие... Нет поблизости жены, почему не позабавиться с другой жен¬щиной... Тем более, что этой женщине горько с мужем...»

Зинаида Степановна тронула за руку шофера, глазами попросила остановить машину. Она с трудом вышла и пошатнулась, но тут же почувствовала, как ее поддержали сильные и ласковые руки:

—Что с вами, Зинаида Степановна? Вы так бледны.

В словах Чумака слышалось неподдельное волнение. «Может, я неспра-ведлива к нему? Может, он искренно любит меня...»

—Дорогая моя, ты устала. Пойдем, подкрепишься,— тепло сказал «уж.

Они пошли к опушке леса. Шофер расстелил на траве коврик, принес вино и закуску. Петр Герасимович старался угодить жене, много гово¬рил, но она ловила редкие слова Валерия.

Чумак терпеливо и решительно ждал минуты, когда они останутся вдвоем. Улучив момент, когда полковник отошел с шофером к машине, он заговорил:

— Простите мою дерзость, Зинаида Степановна. Поверьте, я муча¬юсь от- того, что причинил вам тогда боль. Никогда я по-настоящему не любил. Вы первая, единственная, и ваше безразличие ко мне хуже пытки. Скажите, что мне сделать, чтобы вернуть вашу дружбу. Ей так хорошо было слушать эти признания, что прежние сомнения' стали исчезать. Она чувствовала: еще одно слово, и она не выдержит, ответит, что любит Степановна произнесла с равнодушием, которое стоило ей неимоверных усилий: — Через час вы будете нежно разговаривать с женой. Приберегите красивые фразы для нее. Поднялась навстречу мужу, пошла к машине. Остаток пути все молчали.Только шофер изредка напевал что-то под нос.

3

Прошло двое суток, как Чумак возвратился из округа. Он был настолько подавлен неудачной поездкой, что самая пустяковая задоринка во службе выводила его из себя. После обеда Валерий заглянул в библиотеку и увидел там Зинаиду Степановну. В ответ на его приветствие она еле заметно кивнула, поспе-шила взять книгу и направилась к выходу.
— Мне нужно с вами поговорить,— произнес он, встав в дверях. Мне кажется, вы все уже сказали,— ответила она тоном, который заставил его уступить дорогу.
С нетерпением ждал он наступления темноты. «Она не случайно ска¬зала: «Мне кажется»,— думал он, каждый раз по-иному оценивая ее сло¬ва и тон.— За ними скрывалось не что иное, как желание встретиться со мной и, конечно, не на глазах у посторонних. Надо пойти, через час, не позднее. Завтра может приехать Мякинин».
Невероятно долгим казался этот час. Порываясь идти немедленно и подавляя в себе этот порыв, Чумак восстанавливал в памяти подробности той встречи, которая произошла у него дома.
Всего один раз, да и то на полчаса, согласилась Зинаида Степановна после долгих уговоров мужа прийти к Жезловым. Но вела себя более чем странно, поддерживая разговор только с Верой. Ему же, как и Петру, Герасимовичу, она отвечала на вопросы с явной неохотой. Тот день был крайне неудачным для Петра Герасимовича. Надо же было, чтобы утром, когда они выехали из лагеря, Жезлов срочно вылетел в отдаленный гар¬низон. Правда, в штабе округа полковнику разрешили дождаться возвра¬щения генерал-лейтенанта, но Зинаида Степановна решительно заявила, что больше к Жезловым не пойдет, и потребовала немедленно отправить ее в лагерь. Так и получилось, что она прибыла в лагерь на два дня рань¬ше Чумака, а полковник Мякинин остался ждать генерал-лейтенанта Жезлова. «Вера обещала, как только папа приедет, снова пригласить Пет¬ра Герасимовича на квартиру,— думал Чумак.— Она к нему питает бла¬годарность, наверное, за хорошее отношение ко мне. Наивная... Она так радовалась моему приезду, что легко забыла про обиду и поверила, что я действительно в прошлый раз не мог заехать к ней по пути на зимние квартиры. Хорошо еще, что она не знает, с кем я тогда ездил».
Когда в лесу смерклось, Валерий обходными путями, через лагерную тыловую дорожку, вышел к домику Мякининых. Во дворе и в пристрой¬ке никого не было — полковник велел шоферу вернуться с машиной за ним. Ставни на окнах столовой были закрыты. На стук в дверь никто не отозвался. Он постоял несколько минут и, решив, что Мякинина могла зайти к кому-нибудь из знакомых, вышел за калитку и прислонился к де¬реву. Прошло около получаса, издали замигал глаз фонарика, и Чумак увидел приближающуюся Зинаиду Степановну. Пошел ей навстречу, она остановилась.
— Зачем вы здесь?!
Она зябко ежилась, хотя была в теплом, с меховым воротником, жакете.
— Я в библиотеке понял вас так, что вы мне хотели что-то сказать,— пробормотал он еле внятно.
— Вы правы. Действительно хотела, по передумала. Вы меня не пой¬мете.
— Почему, Зинаида Степановна?
— Почему? Этого я и сама не знаю...
Маленькими быстрыми шажками она обошла его и, не оглядываясь, направилась к дому. Впереди нее, вихляя, бежала узкая дорожка, про¬кладываемая лучом ее фонарика.
Звякнул ключ в замке, раскрылись и тут же захлопнулись за Мякининой двери, а Чумак все еще видел сжавшуюся, чем-то испуганную, убегающую от него фигуру. «Если сейчас не решусь, никогда больше не сумею заставить ее до конца выслушать меня». Он прошел калитку, взбежал на крыльцо и, не постучавшись, распахнул двери.
Не сняв ни жакета, ни шляпки, Зинаида Степановна лежала на тахте лицом вниз. Ее плечи и руки вздрагивали от рыданий.
— Зиночка, любимая, я должен был войти, я не могу больше без тебя...
Он нежно прикоснулся к ее горящей щеке, и она, обхватив руку, при¬жала его большую ладонь к заплаканному лицу.

НА ЗАВОДЕ

0 предстоящей поездке на завод за боевыми машинами Донец узнал после возвращения Мякинина. Рассказывая о том, что в штабе округа советовали послать с группой танкистов политработника, Петр Гераси¬мович представил все в таком виде, словно ему не по душе накануне приезда инспекторской комиссии расстаться с замполитом. — Трудно будет без тебя, Кузьмич,— жаловался Мякинин.— Но я

принял во внимание, что ты долгое время в разлуке с семьей. Грешно пропустить такой редкий случай побыть с женой и дочерью. После войны Николай Кузьмич несколько лет нес службу в крупном промышленном центре, где жена его, Елена Васильевна, работала в кон¬структорском отделе. Но, как нередко бывает у военных, подполковника неожиданно перевели в другой гарнизон. Близко не было ни машино¬строительных заводов, ни конструкторских бюро, где могла бы работать жена, и они могли встречаться только во время отпусков.
Возможность поехать к семье обрадовала Николая Кузьмича. Но за словами сочувствия ему слышалась затаенная мысль Мякинина: «Я тебя все равно сплавлю».
Причин для этого у Петра Герасимовича прибавилось. Во время его отсутствия секретарь партийного бюро, по совету Донца, вызвал на бю¬ро капитана Осадчего. Молодой коммунист, признав, что он сделал ошиб¬ку, заявил, что переписать карточки на нерадивых солдат и оставить не¬заполненной страницу взысканий ему велел лично полковник Мякинин. Петру Герасимовичу об этом передали, как только он приехал. Однако Донцу он ничего не сказал, и это еще больше усилило подозрения Нико¬лая Кузьмича. «Он с умыслом не ругает ни Осадчего, ни меня. Хочет от меня тихо избавиться, чтобы никто не посмел перед комиссией раскопать эту грязную историю с карточками. Позднее разделается и с Осадчим. И только ли с ним? Не подготовил ли Мякинин почву в округе для пе¬ремещения Киреева?
Донец пришел к начальнику политотдела соединения с просьбой по¬слать в командировку другого политработника. Начальник ответил, что вопрос решался в округе и изменить ничего нельзя. Как и в прежних разговорах, он пытался убедить Николая Кузьмича, что тот преувеличи¬вает отрицательные стороны Мякинина, мало делает, чтобы сработать¬ся с ним.
Начальник политотдела был деятельным, энергичным, как почти все выдвиженцы с комсомольской работы. Он закончил академию с отличи¬ем, мог прочитать увлекательную лекцию и солдатам и офицерам, мог толково провести семинар пропагандистов, агитаторов, был человеком отзывчивым. Но, то ли по молодости своей, то ли потому, что его, безусого еще офицера, взяли когда-то помощником по комсомолу начальника политуправления округа и слишком долго продержали на той должно¬сти, он практику политической работы в роте и полку знал плохо и рассматривал ее с одной позиции: как поступали в штабе округа. Он не мог представить, что бывает иногда необходимость замполиту не согла¬ситься с командиром полка. Больше всего он боялся, как бы его или кого-нибудь из его подчиненных не заподозрили в недостаточной под¬держке командиров-единоначальников. За два месяца пребывания на новой должности начальник политотдела несколько раз отчитывал Дон¬ца за его якобы неуживчивый характер. Возможно, отношения между начальником и Николаем Кузьмичом сложились неважно еще и потому, что они были в одинаковом звании, а Донец имел за плечами не только сорок пять лет от роду, но почти двадцать лет политической работы в армии. Начальнику временами казалось, что подполковник Донец хочет подсидеть его, молодого, и потому подсовывает ему какие-то каверзные дела. И на этот раз у него создалось такое впечатление. Он прочитал Николаю Кузьмичу очередную нотацию и велел ему заняться исключительно подготовкой к выезду.
— Людей можете подобрать по своему усмотрению, об этом я с Мякининым договорился. Да, смотрите, чтобы на заводе танкисты вели себя безупречно. Сами знаете, о малейшем проступке немедленно узнаю в министерстве.
Николай Кузьмич ответил, что ответственность ему понятна, и добавил, что перед выездом он оставит на имя командира соединения и начальника политотдела рапорт с просьбой не разрешать Мякинину делать перемещения офицеров до его, Донца, возвращения из команди¬ровки.

2

Богатырем лежал у подножия горы завод, легко поднимая ввысь лес труб, похожих на исполинские зенитки.
— Суметь бы нарисовать такое! — мечтательно произнес Миша Со¬ланин.
А Василий Заремба, которому за годы его странствий по стране при¬ходилось видеть немало заводов, изрек тоном знатока:
— Редкостный!
Прямо с вокзала полковник Донец повел танкистов на гору. Ему хо¬телось, чтобы они с вершины охватили взором весь завод, ощутили его величие, услышали его дыхание еще до того, как войдут в цехи. Нико¬лаю Кузьмичу хотелось, чтобы танкисты прониклись к заводу таким же уважением, каким он

давно проникся.
Осенью 1941 года Николай Донец впервые увидел завод, когда при¬ехал с фронта за новыми танками. Мастер сборки, которого он попросил ускорить выпуск первой партии машин, показал на высокую девушку в синем комбинезоне: «Наш технолог Лена Захарова. Она заставила вторично перебирать моторную группу». Николай сухо представился и сказал, что если фронтовики, так вяло воевали бы, как здесь работают, то немцы уже дошли бы до ее города. Она слушала хмуро. Ее тонкая в талии фигура еще больше выпрямилась. «Вы все сказали?»— спросила девушка. «На первый раз — все».— « Теперь слушайте меня,— в уголках губ появились сердитые бороздки.— Мы тут не игрушки выделываем, а танки производим, для вас, на всю войну — не на день... Станьте-ка лучше, поработайте с нами. Видите, люди шатаются, трое суток не спали».
Рядом со сборщиками, с Леной трудился Николай, а с ним — и при¬бывшие механики-водители. И тогда он понял, как работают люди для фронта, какая воля таится в этой хрупкой девушке.
Прошла неделя, и первые десять танков подъехали к погрузочной площадке. Тысячи рабочих и работниц пришли провожать на фронт бое¬вые машины. Леночка стояла у танка, не тая слез, гладила рукой бро¬ню — она прощалась с танком, как прощаются с любимым, идущим в бой.
Был на редкость ясный и теплый осенний вечер, когда Лена Захаро¬ва привела Николая на вершину этой горы. На следующее утро он дол¬жен был снова поехать на фронт. Они стояли рядом безмолвные, оча¬рованные красотой завода и взволнованные тем, что оказались в первый и, может быть, в последний раз наедине. Оба они не могли решиться произнести сокровенные, согретые сердцем слова, которые запоминают¬ся на всю жизнь. Николай, прошедший тяжкий путь начала войны, ви¬девший, как умирали близкие его товарищи, не надеялся выжить в новых боях и считал нечестным в лихую годину связать судьбу девушки со своей. Она же стыдилась сказать ему то, что, как она думала, любимый должен произнести первым. До той поры Николаю казалось, что его жизнь сложилась неудачно. Когда же через год он был ранен и его случайно привезли в госпиталь именно того далекого тылового города, когда Леночка вбежала в его палату и, узнав его по голосу, бережно прижала к себе забинтованную голову, он поверил в свою судьбу, в свое счастье.
...Теплая воздушная струя коснулась вершины горы. До танкистов долетел густой, сладковатый запах окалины и перегоревшего угля.
— Ну, как, гвардейцы, нравится завод? — спросил Донец, заставив, себя отвлечься от воспоминаний.
— Еще бы!
— Разве такое чудо может не нравиться!
Дирекция заблаговременно выделила для гостей-армейцев две ком¬наты в общежитии рабочей молодежи. В маленькой комнате помести¬лись четверо офицеров, в большой — рядовые и сержанты. Когда все устроились, Николай Кузьмич направил танкистов в столовую, а сам, захватив пакет с подарками, поспешил домой.

3
С главным инженером завода подполковник Донец договорился, что в течение двух недель, до начала отгрузки боевых машин, тан¬кисты будут в сборочном цехе и на танкодроме знакомиться с новой техникой. К занятиям решили приступить со следующего дня, а в остав¬шееся до вечера время провести экскурсию гвардейцев по цехам.
В парадных мундирах, с надраенными до блеска пуговицами, эмбле¬мами и пряжками поясов, выбритые, появились танкисты на территории завода. Они шли плотной группой вслед за инженером-экскурсоводом, строго соблюдая порядок, вызывая одобрение пожилых рабочих и работ¬ниц, восторженные взгляды безусых, еще не прошедших армейской шко¬лы парней и улыбки девчат, которые, видно, непрочь были познако¬миться с такими орлами.
Гвардейцам показали сложный процесс рождения машин — от ли¬тейного до механических цехов. Хорошая зависть овладела Василием. Он завидовал паренькам и девушкам, которые уверенно управляли сложными станками и агрегатами. Ему хотелось стать рядом с ними, строгать, фрезеровать детали машин, соединить электросваркой броню, танка, который ему предстояло изучить, на котором ему предстояло действовать.
Наконец, они попали в один из сборочных цехов. Стройные белые колонны устремились высоко под окна потолка. Преломляясь, словно в зеркалах, лучи солнца прыгали веселыми светлячками по башне, орудию и корпусу танка. Машина была могучей и вместе с тем воздушной, как птица. Воины облепили ее со всех

сторон, спускались через люки в про¬сторное боевое отделение, с благоговением дотрагивались до рычагов управления и прицельных приспособлений — изящных и легких в работе.
Пока гвардейцы любовались новым танком и слушали рассказ ин¬женера о боевых и технических возможностях машины, за ними издали: поглядывал старый сборщик Павел Иванович Крайнов. Коренастый, крепкий старик, он улыбался одними глазами, расправлял седые усы — ему определенно нравились эти парни в военных мундирах, и к концу смены он уже был возле них, говорил им низким задушевным голосом:
— Мы, рабочие, старались добротно сделать эту машину, душу в нее вкладывали. А вам — водить ее, стрелять из ее пушки, воевать, быть мо¬жет. Значит, вы должны знать ее повадки, ее натуру лучше, чем мы должны знать, в чем танк силен, а где и слабинка есть. Мы-то прогнали его по заводскому танкодрому десяток километров — и довольно. А как он поведет себя после нескольких тысяч? Как он будет брать препятст¬вия? Насколько точно стрелять? Это только вы сможете сказать. При¬смотритесь к его нраву и напишите нам: тут вы, рабочий класс, хорошо сделали, а здесь — недобор. Обещаю, что к вашему голосу будем при¬слушиваться.

4

Танкисты работали ежедневно по четыре часа на сборке машин, за¬тем ездили с Еленой Васильевной или с другим конструктором из ее группы на танкодром и только вечером возвращались в общежитие. Умывшись и наскоро поужинав, они вместе с офицерами спешили во Дворец культуры.
Когда танкисты впервые поднялись на второй этаж общежития ра¬бочей молодежи и стали искать отведенную им комнату, внимание Джава¬хадзе привлекло написанное от руки и приклеенное к доске объявление: «Кто желает участвовать в ансамбле песни и пляски, а также в гимна¬стической секции Дворца культуры, записаться у Богатыревой Шуры».
— Запишись, Васа,— стал Шота подзадоривать Зарембу.— На пе¬рекладине солнце крутить будешь. У тебя хорошо получается.
— Если бы ты ему предложил девчатам голову крутить,— сказал, улыбаясь, Солянин,— он бы с удовольствием,— и, перечитывая послед¬нюю строчку объявления, добавил: — Девушка должна быть на славу, одним словом,— Богатырева.
— Идите вы!..— рассердился Василий, но от острого слова удер¬жался.
На следующий вечер заводские парни пригласили танкистов во Дво¬рец культуры в кино и на танцы. Фильм Заремба посмотрел, а как нача¬лись танцы, ушел в противоположное крыло Дворца.
Прохаживаясь по коридорам, заглянул в библиотеку, читальный зал, потом очутился в про¬сторном фойе, где на массивных стендах были фотопортреты передовых людей завода. Он переходил от одной фотографии к другой, читал под¬писи под ними и увидел знакомую фамилию: «Богатырева Александра Михайловна. Бригадир электросварщиков. Бригада работает в счет 1958 года». На портрете — девушка лет двадцати, с открытым миловид¬ным лицом и задумчивыми глазами.
— Товарищ военный, Богатырева на фотографии даже покраснела под вашим нескромным взглядом,— раздался за его спиной смешливый голос.— Вы уже минут десять смотрите на нее.
Маленькая задорная девушка лукаво глядела на Зарембу и смеялась.
— Может быть, лучше потанцуем?
— Спасибо, я скучный человек, вы со мной лишитесь самого глав¬ного своего качества.
— Какого же?
— Смеяться, когда нет смешного.
— Вы, однако, забавный. Не желаете — не настаиваю,— и, увидев кого-то в конце коридора, сложила пухлые ладоши, поднесла их к губам и крикнула:— Шурочка, тебя хотят видеть!
Не успел Заремба остановить хохотушку, как она застучала каблуч¬ками, закрутила вокруг себя идущую к фойе девушку и пальцем показа¬ла на Василия.
—Вы просили?— девушка остановилась в трех шагах от Зарембы. Надо было извиниться, объяснить, что произошло недоразумение, но так приятно было видеть девушку и ее портрет, что он невольно перево¬дил взгляд с фотографии на нее.
— Сомневаетесь, я ли это?— она улыбнулась с подкупающей довер¬чивостью, и это придало ему смелость.
— Вчера мы видели в общежитии объявление. Если это вы писали, то...
— Записаться хотите?— Василию показалось, что даже розовая моч¬ка уха, выглядывающая из-под

вьющихся каштановых волос, и та уди¬вилась.— Вы же ненадолго к нам!
— Нет, не записаться, конечно. Мне хотелось посмотреть ваших гим¬настов.
— Выступаете?
— Редко. У вас, говорят, руководитель гимнастической секции ма¬стер спорта. Это правда?
— Только приехали, а уже все знаете. Идемте!
И Богатырева пошла, не оглядываясь, словно чувствовала, что Ва¬силий не может не пойти за ней.
Так, невзначай получилось, что Василий Заремба стал заниматься в гимнастической секции вместе с Шурой Богатыревой. Было приятно встречаться с ней, легко разговаривать. Она рассказывала о северном крае, где выросла, окончила десятилетку, о своей мечте стать технологом, а может быть, и конструктором, как Елена Васильевна. Он вспоминал южные города и селения, говорил о своих товарищах по армии.
Через неделю Шура перешла с дневной в вечернюю смену, и тут Василий ощутил, как привык к девушке. Два дня он ее не видел и стал неразговорчивым. Джавахадзе посоветовал Зарембе попросить подпол¬ковника Донца разрешить ему встретить девушку после смены. Василию было неловко, но он все-таки решился.
— Если у вас серьезное чувство,— сказал Николай Кузьмич,— то я разрешу. Богатырева очень хорошая девушка, не обижайте ее.
Поздно вечером, на площади у проходных ворот, Заремба долго ждал Шуру. Она не удивилась, увидев его, а только спросила:
— К отбою вы не опоздаете?
Вечер накануне отъезда заводские парии и девушки вместе с тан¬кистами проводили в городском парке. Василий и Шура сидели на ска¬мейке у берега пруда, под плакучей ивой. Ее длинные ветки, словно ла¬сковые пальцы, касались каштановых волос девушки.
— Почему вы мне никогда не говорили о своей семье?— спросила она, глядя на Василия умными грустными глазами.
— У меня, Шурочка, нет родных. У меня единственная семья — моя рота. Вот если бы...
Василий смутился.
— Что, если?
— Пишите мне, Шура. Вам не в тягость это будет?

ПЕРЕМЕНЫ

Ровной линией вытянулись на лагерном поле новые танки. Серебри¬сто-стальным цветом отливали на солнце башни с орудиями, приземи¬стые корпуса. Тот, кто их видел впервые, не мог налюбоваться мягкой округлостью линий, совершенством форм.
По другую сторону поля смущенно жались к роще старенькие, подго¬товленные к отправке машины. У них были меньшие по размерам ору¬дия и башни, более тонкая, чем у прибывших собратьев, броня. Им, ка¬залось, неловко было глядеть малым пушечным оком на гордые, крутобо¬кие машины. Но при всем этом различии, может быть, никогда раньше взгляды гвардейцев не ласкали старые танки с такой сердечностью, как в этот день.
Старшина Сочнев не мог отойти от своей израненной в боях, с глу¬бокими ссадинами на броне машины. На таком же танке он начал вое¬вать, горел от прямого попадания снаряда и спас экипаж и машину, на быстром ходу сбив пламя ветром. Сколько раз он шел в атаку на немецкие «Пантеры» и «Тигры» и побеждал благодаря быстроте, манев¬ренности и огневой мощи этого танка! Он знает его, как знает свою жизнь, как верного друга, к которому и в радости и в горе прикована душа.
Больно было оторваться от танка и Василию. Заремба ходил по пятам механика-водителя и так же, как он, трогал рукой шершавые отметины на броне. Давно ли он считал эту машину чуть ли не перво¬причиной всех своих бед и неудач, давно ли перестал мечтать о том дне, когда уйдет из полка и получит хотя бы старенький истрепанный «ЗИС»,— любой автомобиль ему казался несравненно лучше этой маши¬ны. А прошло короткое лето, и он вспоминает свои успехи и ошибки, людей, которые привили ему любовь к танку, вспоминает и по-хорошему волнуется.
Задумчивым стоял у командирской машины капитан Киреев. Два последних дня он сдавал приемщику тридцатьчетверки своей роты. Ни¬кто от него не требовал многого, а он переживал, если находил в каком-нибудь уголке пыль, будто танки направлялись не на переплавку, а на смотр. Алексей вспоминал, как он обучался в училище вождению и стрельбе на такой же машине, как спас на ней Надежду и Сашу,

как прорвался на таком же танке к рейхстагу, а затем совершил на нем в; составе корпуса последний стремительный марш-маневр на Прагу.
Словно не с танками прощался Алексей, а со своей, в боях проведен¬ной молодостью.
Наверное, долго еще стояли бы гвардейцы у старых машин, если бы не команда строиться. Шеренги замерли невдалеке от новых танков, к которым до этой минуты не разрешали подходить. На краю поля показалась группа людей. Издалека воины узнали командира соедине¬ния и генерал-лейтенанта Зорина. Странно было видеть среди парадных мундиров гражданские костюмы: «Кто это?»— тихо спрашивали гвар¬дейцы, и те из воинов, которые ездили на завод, отвечали: «Делега¬ты».— «Мужчина — это сборщик Крайнов, женщина — главный конст¬руктор нового танка».— «Говорят, жена замполита?» — «Да, Еленой Васильевной звать».
Николай Кузьмич Донец ловил на себе взгляды воинов и улыбался.
Полковник Мякинин вышел навстречу генералам и гостям. Остано¬вился в четырех шагах от члена Военного совета.
— Товарищ генерал! Танковый полк для получения новой техники построен. Заместитель командира полка гвардии полковник Мякинин.
Зорин поздоровался с гвардейцами и зашагал рядом с Еленой Васильевной к правофланговому танку.
— Военный совет приглашает вас присутствовать на тактических учениях.
— Благодарю. К сожалению, мы не сможем столько времени про¬быть у вас.
— Так скоро от мужа?
— Ничего не поделаешь, Андрей Михайлович. Сюда завод перенести невозможно, а мы, как вы знаете, новую машину задумали. Может быть, она вам не нужна?..
— Очень даже нужна, Елена Васильевна, и как можно скорее. Да, я должен вам сказать, что глубоко виноват перед вами.
— Вы? В чем же это?
— Ваш муж и до меня добирался с просьбой перевести его на служ¬бу в город, где вы живете. Жаль, не сделал, что мог. Мы иногда, честно признаюсь, подходим ко всем с одной меркой: «Жена пусть едет к мужу», а вникнуть, понять... это не всегда. Ну, что ж, ошибку надо уметь исправить. Обещаю свою поддержку, поговорю с командующим.
— Спасибо, Андрей Михайлович.
— Что вы, Елена Васильевна, это вас благодарить надо. Такую машину сделали!
Он легко взбежал по лестничке, подал руку гостье, и через минуту на широкой спине танка, превращенного в трибуну, стояли она, Крайнов, командир соединения, и по полю разнесся резкий, с хрипотой, голос генерала Зорина:
— Товарищи солдаты и сержанты, старшины и офицеры! Славные гвардейцы-танкисты! Вы сейчас получите новые танки. В них — любовь народа к вам, в них — труд созидателей, в них — светлый ум и горячее сердце рабочего класса и нашей интеллигенции. Рядом со мной вы видите лучшего сборщика завода Павла Ивановича Крайнова и конст¬руктора этой машины Елену Васильевну, жену и друга замполита вашего полка. Им, и через них всему славному коллективу танкостроителей от всего солдатского сердца скажем: «спа-сибо!»
Неуставное слово. Никто никогда не произносил его в строю. Но оно было подхвачено мгновенно, словно ветром, и неслось звучное, звонкое в сплетении с многоустым «ура».
2

После объезда других частей лагерного сбора член военного совета снова прибыл в полк и вместе с представителями завода и Мякининым поехал на полигон, где танкисты готовились к стрельбе с закрытых позиций.
Сошли с машины па бугристом поле, поросшем мелким кустарником.
— Где же огневые позиции?— спросила Елена Васильевна.
— Рядом с вами,— ответил полковник Мякинин.
— Здесь ничего нет,— заметил сборщик Крайнов.
Зорин, пряча улыбку, спрашивал гостей, показывая подбородком впереди себя:
— А там, не замечаете?
Они прищуривались, напрягали зрение, прошли еще несколько ша¬гов, а все не могли обнаружить ни танкистов, ни их позиций. Генерал же, наблюдая то, что было скрыто от гражданских, добродушно

поруги¬вал Мякинина:
— Плохо полковник, плохо. Если отсюда увидел, то как же тогда с самолета. Хотел старого охотника обмануть — не обманешь.
Елена Васильевна внимательно осматривалась, но, кроме похожих друг на друга кустарников да сухих кочек, вокруг которых прыгали, поднимая пыль, кузнечики, ничего не замечала.
Вдруг она ахнула. На нее из кустарника в упор глянул дульный срез танковой пушки.
—А вы не замечали до сих пор!— смеялся генерал Зорин. Осматривая огневые позиции, гости поражались. За несколько часов
танкисты отрыли аппарели для танков, укрытия для экипажей, обору¬довали их для противовоздушной и противоатомной обороны. Павел Иванович Крайнов спустился в укрытие, щупал все руками и, смущенно кашляя, бубнил в усы:
— Не знал, не знал. Вот это трудяги.
Сержант Солянин, оставленный старшим на огневых позициях, до¬ложил генералу, что офицерский состав вызван командиром роты на наблюдательный пункт, а танкисты занимаются чуть подальше, в лесочке.
— Чем занимаются?
— Тренируются в быстроте выполнения команды «К бою».
— Кто проводит занятия?
— Рядовой Заремба.
Мякинину показалось, что генерал нахмурился. С утра он придир¬чиво проверял подъем, физзарядку, ход политических занятий. На¬бралось немало неприятных мелочей, и стоит ему сейчас убедиться, что танкисты занимаются не тем, чем нужно, как порох взорвется, не по¬считается с присутствием гостей. Полковник стрельнул глазами в Солянина, тот кинулся было вперед, но генерал заметил и остановил его: «Смотри, сержант, чтобы никакого шума!» — и зашагал в лесок. Он быстро петлял, обходя ели и редкие березки, пока не занял место для наблюдения за широкоствольной сос¬ной, дав знак попутчикам остановиться.
Шагах в двадцати от них, на полянке, большая группа воинов ок¬ружила танк. Сочнев, Джавахадзе и Заремба стояли в одном ряду под стволом орудия. Кто-то из танкистов подал команду «К бою». Василий не стал ждать, как это делали все заряжающие, пока наводчик спустит¬ся в машину, расстопорит орудие и придаст ему необходимый угол снижения. Он подпрыгнул, схватился за высоко поднятый дульный срез ствола и выжался на руках. Освободив затем левую руку и оставаясь висеть на одной правой, он расстегнул ремешок и снял чехол с дуль¬ной части. Все это было совершено быстро, легко и красиво. Генерал вышел из-за укрытия, поманив пальцем гостей. Танкисты их не видели, они были увлечены тем, что делал экипаж. Не успели Сочнев и Джава¬хадзе скрыться в танке, как Заремба тоже оказался на броне и спустился в люк. Башня развернулась на 180 градусов, Джавахадзе установил при¬цел, и Сочнев доложил:
— Экипаж к бою готов!
Ожидающий бури Мякинин держался подальше от генерала, не торопился за ним к поляне. Когда же и он нашел неудобным быть в стороне и стал подходить к танкистам, то услышал заразительный смех генерала и восклицание:
— Каковы молодцы, а?! Вы поняли, Елена Васильевна, поняли, Павел Иванович, что за находка? Вместо того чтобы ждать, пока това¬рищи спустят ствол, солдат прыгает, снимает чехол и, наверное, секунд десять выигрывает, а это в бою большое дело.
— Нормативы перекрыты на двадцать секунд, товарищ генерал,— доложил сержант Протасеня, который следил с часами в руках за вре¬менем исполнения команды.
— Двадцать секунд — это рекорд! Кто придумал?
— Рядовой Заремба, товарищ генерал,— ответил Сочнев, первый вышедший из танка.
— Обрадовал, честное слово. Ну-ка, иди сюда,— позвал Зорин сму¬тившегося Зарембу.— Поучи-ка старика. Ведь и я когда-то был непло¬хим спортсменом.
Заремба повторил прием.
— Кажется, уловил. Смотри и критикуй ошибки. Не бойся, что ге¬нерал!
Высокому Зорину сильно подпрыгивать не пришлось и подтянулся он хорошо, даже сумел удержаться на правой руке. Но левой расстег¬нуть ремешок никак не удавалось. Андрей Михайлович болтал ногами, пока не слетел вниз. Зато вторая попытка вышла удачной — он все же расстегнул ремешок.

— Мой приказ, гвардейцы,— сказал генерал, спрыгнув и отряхива¬ясь от мелких комочков земли,— чтобы все от командира роты до ремонт¬ника умели делать так, как гвардии рядовой Заремба. Вот сейчас и нач¬нем с командира полка. А ну, товарищ гвардии полковник!
Смех потух. Танкистам было неудобно за своего командира полка, ко¬торый как-то сразу увял, робко встал под дульным срезом пушки и, прыгнув,
посинел от натуги, а дотянуться до верха не сумел. К радости Мякинина, в эту минуту прибежал с огневой позиции сержант Солянин и отвлек члена Военного совета:
— Товарищ генерал! Командующий срочно просит вас к аппарату.

3

Наблюдательный пункт был выдвинут далеко вперед от огневых по¬зиций и еще надежней, чем они, скрыт под землей. Новейшие приборы наблюдения незаметно выглядывали в просветы между замаскирован¬ными бревнами на западном скате высоты. Капитан Киреев нанес цель на карту и определил исходные данные для стрельбы. По телефону пе¬редал распоряжение старшему офицеру на огневой позиции Чумаку:
— Основной танк на огневой— ваш !
Это означало, что пристрелку цели будет вести наводчик Джава¬хадзе. На огневую позицию как раз в это время возвратились полковник Мякинин, Павел Иванович Крайнов и Елена Васильевна. Генерал Зо¬рин, спеша на переговоры с командующим, оставил гостей на попечение Мякинина.
С разрешения полковника, экипаж Чумака занял места в танке. Старший лейтенант, получив по радио данные, сообщил Кирееву о го¬товности к стрельбе. Командир роты приказал открыть огонь.
— Орудие!— скомандовал Чумак, и Джавахадзе нажал на электро¬спуск.
Одиночный выстрел рассек тишину полигона.
— Левее, ноль-ноль шесть! — долетела по радио до Джавахадзе но¬вая команда Киреева. «Значит, по направлению имеется незначительное отклонение,— подумал довольный Шота, но тут же спохватился, забес¬покоился.— Как мне установить эти шесть тысячных, если цена одного деления башенного угломера равна десяти тысячным?»
Сотни снарядов выпустил из старого танка Джавахадзе, но то были стрельбы прямой наводкой с хода, с места или с коротких остановок по всегда видимым целям. Тогда, ведя огонь на дистанцию в пятьсот или тысячу метров, он смотрел в прицел и по его центральному угольнику судил об отклонениях снарядов. Стрельба же с закрытых позиций по¬ставила перед наводчиком новые требования, которые еще больше ус¬ложнялись из-за отсутствия малых делений на башенном угломере. «Почему мне на заводе не пришла мысль нанести дополнительные деле¬ния? Это можно было сделать за какой-нибудь час. А теперь попробуй глазом определи, да точно!» Джавахадзе ориентировочно раздвоил рас¬стояние между имеющимися рисками, на глазок прибавил еще одно де¬ление и доложил командиру взвода, что к стрельбе готов.
Киреев с нетерпением ждал второго выстрела. Уверенный в меткости новой танковой пушки и в знаниях Джавахадзе, он смотрел в бинокль по направлению цели, где должен был упасть снаряд, однако разрыв оказался в стороне более чем на двадцать метров. Если такая ошибка была бы допущена в стрельбе на поражение площади, она не имела бы значения. Теперь же огонь велся по узкой цели, и отклонение на два¬дцать метров влияло на точность пристрелки.
Нервничая, Алексей приказал по радио Чумаку лично стать на ме¬сто Джавахадзе. Но и эта мера не оправдала себя; результат оказался совсем плохим, снаряд ушел еще левее.
Такой неприятности в экипаже Чумака никогда еще не было. На глазах у гостей, у командира полка и всех танкистов роты оскандалился не только лучший наводчик, а сам командир взвода. Джавахадзе при¬нял все неудачи на свой счет: «Я обязан был догадаться об угломере при сборке машины. Меня, одного наводчика, послали на завод, а что я сделал?!» Он сжимал и разжимал кулаки и, когда Заремба попытался успокоить его, зло огрызнулся:
— Ничего тебе не понять, Васа! Я виноват. Смотри, как Лена Василь¬евна переживает.
Елена Васильевна отошла от танка, чтобы своим присутствием не смущать танкистов, которых и без того ругал Мякинин. «А при чем тут они? Джавахадзе на заводе просил дать ему пострелять на полигоне. Почему не разрешили?.. Считали это лишним. А. может быть, он там нашел бы какой-нибудь просчет? Сколько раз, испытывая машину, мы вели из нее огонь и всегда с предельной точностью. Да, товарищ

конст¬руктор,— говорила она себе.— Все это правильно. Только ты забыла, что там огонь велся не на такие большие дистанции, как здесь, и не с закрытых позиций. Почему же мы не задумывались о таких стрельбах? Не потому ли, что долго не были в частях, не знали, как в новых усло¬виях применяются наши танки». Елена Васильевна предполагала, что снаряды ушли в сторону, из-за мелкой неисправности, но вмешиваться, пока полковник сам не выяснил причины, не поговорил с танкистами, считала нетактичным.
Командир полка послал свою машину на наблюдательный пункт, и вскоре прибыл Киреев. Мякинин встретил его сурово.
— Вы что, капитан, разучились давать правильные данные для стрельбы?
— Подсчеты и команды точные, товарищ гвардии полковник.
— В чем же дело?
— В танке, наверно...
— В танке? Вы с ума сошли!
— Не в самой машине, хотел я сказать, а, видимо, в механизмах наводки.
— Не фокусничайте, Киреев!— Мякинин не мог сдержать раздраже¬ния и был готов высказать капитану все, что накипело в нем за этот неудачный день. Но тут подошла Елена Васильевна.
— Извините, товарищ полковник, что я вмешиваюсь. Капитан Киреев имеет основания так говорить. Можно посмотреть, как действовал на¬водчик в танке?
— Конечно. Прошу вас.
В машину спустились Елена Васильевна, Джавахадзе и Киреев. Шо¬та, встав рядом с конструктором у прицела, взволнованно говорил:
— Я все делал правильно, Лена Васильевна.
—Устанавливайте деления на башенном угломере. Я посмотрю. Джавахадзе поворотным механизмом уточнил наводку.
— Такая была первая команда. Правильно, товарищ гвардии капи¬тан?
Киреев протиснулся к угломеру и подтвердил слова наводчика.
— А следующая команда какая была?— уточняла Елена Василь¬евна.
— Левее, ноль-ноль шесть.
— Шесть тысячных?- переспросила она и, услышав подтверждение Киреева, повернулась к Джавахадзе.
— И как вы их устанавливали?
— Выход был один, на глаз.
— На глаз?! И вы хотели добиться точности в стрельбе на несколь¬ко километров ? ! - спросила она весело, даже радостно, удивив этим Джавахадзе и Киреева. Да как было не радоваться конструктору, если серьезные опасения как рукой сняло.
— Не учел,— оправдывался Джавахадзе, не сводя глаз с женщины, которая так точно разбиралась в делах наводчика. Вот ,оказывается, где причина, Алексей Матвеевич. Вы это имели в виду, говоря полковнику о механизмах наводки? в машину верю, Елена Васильевна, машина прекрасная.
— Благодарю за такую оценку. Но, видите, кое-что мы все-таки не учли.
— Да то же пустяки, устраним!— вмешался Джавахадзе.
— А, может быть, это не единственный недостаток машины?— на¬стойчиво спрашивала она.
— Танк — чудо, красавец танк, только...— наводчик осекся, боясь обидеть конструктора.
— Говорите, Шота, прошу вас, говорите.
Пересиливая в себе смущение, поощряемый взглядом капитана Ки¬реева, Джавахадзе решился попросить:
— Не можете ли вы, Лена Васильевна, боковой уровень перенести? Вот он насколько выше меня. Мне голову поднять высоко надо, а броня не пускает. А мне при стрельбе с закрытых позиций после каж¬дого выстрела и новой команды нужно вертикальную наводку уточнить, а я смотрю сбоку и не вижу: стоит ли пузырек уровня в центре или сбе¬жал куда-то.
— Так-так, правильно,— подтвердила Елена Васильевна, сама пыта¬ясь взглянуть на пузырек бокового уровня.
— Трудновато с боковым уровнем и при стрельбе прямой наводкой, если противник задымит цель. Без уровня никак тогда нельзя, а я не вижу его, как хочется. Может, я не то думаю, извините.
— То, именно то, товарищ Джавахадзе,— успокаивала она навод¬чика.— Жаль только что вы на заводе об этом не сказали. А ваше пред¬ложение мне нравится. Боковой уровень мы установим ниже, вот сюда,

хорошо будет?
— Эх, хорошо, Лена Васильевна!
Подняв руки и опираясь ладонями на закругленные тупые края люка, Елена Васильевна подпрыгнула, как заправская спортсменка, и ловко поднялась на башню. За ней вышел из танка Киреев. Хотя Джа¬вахадзе выскочил из люка последним, он сумел первым спрыгнуть на землю, успел раньше подать конструктору руку, помочь сойти.
Вся рота, полковник Мякинин, Павел Иванович Крайнов с нетерпе¬нием ждали появления конструктора. Ее тут же окружили, и она рас¬сказала о делениях на башенном угломере.
— Я помогу,— сказал Крайнов.— За день на всех угломерах нанесем новые деления, в ваших же мастерских.
А разрумянившаяся Елена Васильевна говорила через минуту танкистам:
— Так и бывает, когда у армии с заводом крепкая дружба, постоян¬ная связь, когда мы часто, как в последнее время, видим друг друга. Я многому у вас сегодня научилась. Спасибо, друзья!

СЫН

1

Вскоре после отъезда жены Николай Кузьмич выехал на зимние квартиры, чтобы проверить ход ремонта казарм. Он рассчитывал за¬держаться там дня три, а побыл меньше суток и направился в дале¬кую обратную дорогу на попутных.
В лагерь возвратился под вечер, и первого, кого он встретил из полка, был Василий Заремба.
—Здравствуйте, товарищ Заремба. Что нового в роте?
Донец поставил на землю чемодан, вытер платком мокрое от дож¬дя лицо, подал руку солдату.
— В роте полный порядок, товарищ гвардии подполковник,— Василий козырнул и пожал руку замполита.— Новый танк отлично слушается нас. Иду с занятий по вождению, Сочнев проводил. Очень хорошо, что вы учитесь вождению,— похвалил его До¬нец, довольный бодрым видом солдата.— Куда вы шли сейчас?
— В расположение роты. Разрешите чемодан поднести.
— Пойдемте, вдвоем веселее.
Узкая тропка через учебное поле была скользкой, Василий, чтобы не упасть, балансировал.
— Вы еще не вступили в комсомол, товарищ Заремба?
— В комсомол?
Уже несколько раз Сочнев рассказывал Василию о комсомольцах-фронтовиках, о роли комсомола в армии. Заремба воспринимал эти разговоры как случайные: мало ли о чем беседовал с ним в послед¬нее время механик-водитель. Секретарь комсомольского бюро Протасеня приглашал на читки Устава ВЛКСМ, и это он считал обычным, так как из роты приглашали многих. Теперь же Заремба услышал прямой вопрос и не знал, что ответить.
— Я? В комсомол?— переспросил он.— Я еще ничего не сделал хорошего. Подождать надо.
— Можно и подождать,— Донец остановился, повернулся лицом к солдату.— Все же всему свое время. Поверьте мне, именно в комсомо¬ле место передового солдата.
— Так то ж передового, мне еще заслужить надо.
— Конечно, заслужить, а как же.
Замполит зашагал дальше, не возобновляя разговора, пока тропка не вывела на широкую линейку и Василий не пошел рядом.
— В вашем возрасте меня принимали в кандидаты партии. Ре¬комендацию мне дал старый мастер, коммунист с подпольным револю¬ционным стажем. Когда он советовал подать заявление, я ему тоже говорил: «Партия, дядя Федя! Заслужить надо...» А он как посмотрел на меня поверх очков: «Попробуй, Николай, не заслужить. Не по¬смотрю, что ты цеховой секретарь комсомола, уши надеру при всем чест¬ном народе».
Около палатки капитана Киреева подполковник взял чемодан у Зарембы, поблагодарил его и велел спешить на ужин. Услышав голос Донца, Алексей выбежал из палатки без гимнастерки.
— Коля! Почему ты приехал раньше? Я слышал, только завтра за тобой машина должна пойти.
— Иди в палатку, промокнешь. Все расскажу.
Снимая мокрый плащ и фуражку, Николай Кузьмич отворачивал усталое лицо. «Как объяснить причину

приезда, чтобы тебе не так трудно было?»— думал он и взял руку товарища.
— Твой сын тяжело болен. Завтра, а может быть, послезавтра будут оперировать. Тебе нужно срочно выехать.
— Что с Сашей? Почему Надя не телеграфировала? Говори сра¬зу! Не тяни.
— Надя попросила меня передать тебе о случившемся. Она знает о твоих неприятностях с Мякининым. Я приехал раньше, чтобы помочь тебе выехать.
— Скажи, наконец, что с Сашей?!
— Он оступился на лестнице и ударился головой. Хирург обещал мне сделать все, чтобы операция прошла благополучно.
Дождь усилился. Крупные капли гулко барабанили по туго натя¬нутому полотну палатки. О чем-то продолжал говорить Донец. Ки¬реев уже не слушал его.
2

Через сутки Киреев сел на пароход. Как ни старался Донец помочь Алексею быстрее выехать из лагеря, пришлось вести переговоры с Мякининым и вечером, и почти весь следующий день. Лишь после вмешательства начальника политотдела соединения командир полка разрешил выехать на два дня.
Ни в ночь после приезда Донца, ни в эту ночь Киреев не мог за¬снуть. Он стоял на палубе небольшого грузового пароходика, облоко¬тившись на разъеденные временем щербатые перила. Холодный ветер раскидывал полы шинели, капли дождя проникали за воротник. Алексей не ощущал ни сырости, ни холода. Душно было от мучивших его мыслей, от неизвестности. «Врачи говорили, у Сашеньки слабое сердце. А Надя? Что с ней?..»
...С той минуты, как машина скорой помощи отвезла Сашу в боль¬ницу, Надежда Павловна забыла о еде, о сне. Если бы не тревога за Светлану, которая оставалась одна в квартире, она ни на секунду не отходила бы от подъезда хирургического отделения. Но ей прихо¬дилось бегать домой, наспех готовить еду и, успокоив Светлану, опять спешить к Саше.
Поздно вечером дежурный врач велел идти домой.— Мы все время следим за мальчиком. Его не будут оперировать раньше, чем завтра. Идите, поспите немного. Вам силы нужны.
Она не помнила, как дошла до окраины, как накормила и уложила спать Светлану. Всю ночь сна не было. Надежда Павловна то выхо¬дила во двор, то снова возвращалась в комнату. Ей казалось, что врач ее выпроводил именно потому, что операцию будут делать ночью, возможно, Сашу уже положили на операционный стол, он задыхается, кричит, зовет ее, может быть, в последний раз зовет.
Надежда Павловна схватила полушалок и в глухую полночь побе¬жала к сыну.
Больница спала. Кругом была тишина. Лишь акация, наклоняясь ветвями к окнам палат, шуршала мелкой листвой. В одной из этих палат лежит Сашенька. Надежда Павловна ходила вокруг здания, прислушивалась, но толстые стены, закрытые окна не пропускали зву¬ков, не выдавали больничных тайн.
На рассвете ее пустили к дежурному врачу.
— Как сын?!
— Ночь прошла благополучно.
— Кто будет оперировать?
— Я вам советую поговорить с главным хирургом. Он, конечно, не может лично всех оперировать, но лучше будет, если сам возьмется.
Надежда Павловна быстро пошла домой навестить Светлану. Ког¬да возвратилась, главного хирурга еще не было. Она долго стояла в вестибюле. Наконец с улицы быстро вошел мужчина среднего роста, лет пятидесяти пяти. В одну минуту он успел нашуметь на дежурного врача, на сестер и няню. Говорил торопливо, незаметно перескакивая с одной темы на другую. Сестер распекал за то, что у них косынки на¬деты, не так, как положено, няню за халат, который ему казался не¬достаточно чистым, а на женщин-посетительниц он обрушил град слов:
— Вы зачем здесь? Не знаете порядка? Посторонним запрещено. Что для вас клуб тут? Выйдите, выйдите, все!— и сам бесцеремонно выпроводил их на улицу.
Киреева наблюдала, скрывшись за колонной. И раньше она много слышала о странностях главного хирурга. Но с ним считались далеко за пределами области: многим людям он спас жизнь, и ему прощали странности, суматошливый характер. Надежда Павловна решила тут же попросить его, чтобы он лично сделал операцию Саше. Выждав, пока шум улегся и хирург вошел в свой кабинет, она покинула свое

укрытие и спросила дежурную сестру, кого сейчас врач будет прини¬мать.
— Никого. Вы же видели, как он бушевал. Он всегда такой, когда ему предстоит сложная операция. Не успела она закончить фразу, как распахнулась дверь кабинета и вышел , главный хирург, завязывая на ходу тесемки халата. Надеж¬да Павловна преградила ему дорогу.
— Простите, доктор, но я очень прошу. Моего сына привезли на операцию. До сих пор не сделали, и я...
— Что-что? Не сделали? Ну, так сделают. А вам быстрее хочется? Сегодня операций много, разорвать себя на части врачи не могут. Идите!— и, наступая на Кирееву, он вытеснил ее из вестибюля.
Два часа она стояла в остекленном коридоре, поглядывая, не воз¬вратился ли к себе врач. Несколько раз подходила к окнам его каби¬нета, думая, что он прошел к себе другим ходом. Но все же прогля¬дела хирурга. Пожилая няня, понимая, как мучается Надежда Павлов¬на, предупредила ее:
— Он у себя. Идите к нему, пока не убег. Бывает иногда, что он выслушает.
Надежда Павловна постучала, но никто не отозвался. Тогда собрав всю решимость, она вошла без разрешения. Главный хирург стоял ли¬цом к окну и разглядывал рентгеновский снимок.
— Кто?!
В этом слове прозвучало возмущение: ему мешали побыть одно¬му, собраться с мыслями, с силами после небывало тяжелой опера¬ции. Когда же он обернулся и увидел посетительницу, которая уже ему докучала какими-то непонятными просьбами, круглое лицо его побагровело. Надежда Павловна не дала ему говорить.
— Доктор, милый доктор! Вы не такой злой, каким хотите пока¬зать себя. Помогите сыну, сделайте операцию сами, умоляю вас!
Он уставился на нее сквозь стекла пенсне:
— Не злой? Нет, ошибаетесь, гражданочка, я злой, очень злой! Ничем не могу я вам помочь и даже слушать не хочу. Я два часа делал операцию ребенку, у которого с рождения колено срослось с животиком. Вы понимаете, что это значит? Пять лет жил так, врачи отказывались что-либо предпринять, и я должен был только сейчас оторвать ножку от живота. Впрочем, вы не медик, вам не понять.
— Я все понимаю, доктор. Поэтому прошу именно вас оперировать сына. У него слабое сердце, с ним может случиться непоправимое. Я не выдержу....
— Каждой матери дорог ее ребенок. Или вам кажется, что вы пер¬вая на свете родили сына?
— Я его не рожала...
Она произнесла эту фразу еле слышно, закрыв глаза.
— Что-что? Не рожали? А говорите — сын!
— Сын! Мой сын!— глотая слезы, она рассказала о Монастыр¬ской роще.
Врач то откладывал рентгеновский снимок на стол, то опять брал его в руки, водил пальцами по его грани, не отрывая взора от моло¬дой женщины. Потом придвинул ей кресло, сильными пальцами сжал ее локоть, заставил сесть.
— Посидите, я сейчас приду.
Надежда Павловна слышала быстрые шаги, ворчливый голос за дверью и вскоре снова увидела его.
— Смотрел вашего сына. Я буду оперировать, завтра. Сегодня нель¬зя. Идите домой, и чтобы я сутки не видел вас в больнице.
На следующее утро, после прихода врача, Сашу стали готовить к опе¬рации. Надежда Павловна стояла под окном операционной, прислонив¬шись к стене. Разве мог кто-нибудь заставить ее отойти от этой серой, изъеденной дождем и ветром старой стены, оторвать взгляд от закрашен¬ных матовых стекол! Она долго прислушивалась, пока не уловила легкое поскрипывание колес больничной тележки и настороженный говор врача. Сердце обдало болью, она почувствовала, что на операционный стол по¬ложили сына.
Надежда Павловна услышала пронзительный короткий крик Саши и ногтями вцепилась в стену. «Сынок, любимый, возьми мои последние си¬лы, всю кровь мою возьми, только выдержи». Она, стремглав кинулась бежать. Один, другой угол здания уже позади, и вдруг кто-то обнял ее, заставил остановиться. Это был Алексей.
...Добравшись до городка, Алексей оказался в больнице в минуты окончания операции и дождался главного хирурга в его кабинете. Врач устало улыбнулся и с несвойственной ему мягкостью проговорил:
— Грешно было бы мне не сохранить сына для такой матери... Будет мальчик в футбол играть, скоро будет! А жену вашу берегите, капитан, она у вас чудесная.

3

Светлана была на улице. Игрушечным ведерцем она деловито наби¬рала из бочки воду и выливала ее в хозяйственное ведро. Увидев отца, она кинулась к нему на руки, целовала его колючие щеки и, показывая мокрый передник, хвалилась:
— Я Тихоновне помогаю, сама кухню вымыла!
С измазанным сажей лобиком, заплетенными кое-как косичками, она была еще милее.
Надежда Павловна поблагодарила Марию Тихоновну за помощь и, от¬пустив старушку, сама принялась заканчивать уборку, мыть и переоде¬вать Светлану. Пока она хлопотала на кухне, Алексей напилил, наколол дров. Потом они пообедали и втроем пошли в больницу.
Саша спал. Родители узнали, что на следующий день можно будет при¬нести ему бульон. Дежурный врач пообещал ночью лично посмотреть за сыном.
Так прошел остаток дня. После ужина Киреев поиграл с дочкой, по¬читал ей сказку, и она заснула. Задумчивый, постоял он у кроватки, по¬том присел около Нади, взял ее руку, пожал крепко и нежно.
— Когда ты должен ехать?
Он растерялся, будто она его уличила в чем-то нечестном.
— На рассвете, первым поездом.
— Значит, вставать в четыре.
— Да.
— Тогда ложись спать, а я проглажу тебе белье,— она высвободила пальцы из его ладони, встала.
— Посиди, Наденька, отдохни хотя бы полчаса.
— Некогда мне отдыхать!
Она вдруг вспомнила, сколько надежд у нее было, когда она остави¬ла консерваторию и с Сашей поехала на далекие Курилы. Она думала, что Алексей всегда будет с ней, с детьми, что она сумеет работать и вме¬сте они станут делить и радость, и горе. А оказалось, что она месяцами одна с детьми... Голос ее зазвучал глухо, отчужденно:
— Тяжко мне, чувствую, что-то во мне перегорает.
Ему нужно было приблизиться, обнять ее, усталую, измученную, ска¬зать что-нибудь душевное. Но нервное напряжение последних дней ли¬шило его чуткости.
— Всем тяжело,— отрывисто произнес он.
— Всем?! А я вижу, далеко не все семьи офицеров живут, как твоя семья. Зачем понадобилась полковнику Мякинину трехкомнатная квар¬тира вместо его хорошей двухкомнатной? Почему твоему командиру взво¬да Чумаку предоставили одну из лучших квартир в новом доме? Детей у него много?.. Молчишь!Надежду Павловну лихорадило. Она кинулась на кровать, закрыла, подушкой голову, чтобы ее рыдания не разбудили Светлану.
...Когда Надежда Павловна поднялась после неспокойного сна, она увидела Алексея. Он сидел на краю кроватки, держал ручку дочери у небритой щеки и дремал. «Зачем я так разговаривала с ним? Ему разве легче, чем мне, вдали от нас? Вот серые пятна на лице, морщинки прибавились в уголках глаз и у переносицы. Нет, не надо было так гово¬рить, он так измучен». Захотелось приласкать его, но она вспомнила, что еще не погладила белье, ничего не собрала ему в дорогу и вышла на кух¬ню.
Вернувшись в комнату, Надежда Павловна ужаснулась: стрелки на часах-ходиках показывали начало пятого.
— Алеша, встань, ты опоздаешь на поезд. Он вскочил, как по сигналу тревоги.
— А ты поспала немного, Наденька?
Минуту только разрешили они себе постоять и поглядеть друг дру¬гу в глаза. Алексей бережно обнял ее голову, поцеловал прядь седых во¬лос, появившуюся за последние трое суток.

НА УЧЕНИЯХ

1

Взвилась серия красных ракет: сигнал для наступления. Мгновенно поле усеялось танками, стрелками, пулеметчиками. То на границах ата¬кующих подразделений, то в центре боевых порядков появлялись, имити¬руя разрывы снарядов и бомб, белые облака. При малейшей нерастороп¬ности пехотинца, при самой незначительной оплошности танкового экипа¬жа, посредники выводили их из строя. Обстановка напоминала тяжкий бой, в котором наступающим противостоит технически оснащенный враг.

Южная сторона была не только обозначена. Она действовала активно, прикрывая огнем свой отход. «Неприятель» разрушал пути, оставляя за собой густые дымовые завесы.
… За несколько минут до начала артиллерийской подготовки капитан Киреев прибыл на наблюдательный пункт с донесением от командира пе¬редового отряда, и ему удалось увидеть момент атаки первой траншеи.
Он смотрел в бинокль за развертывающимся боем, когда чья-то тя¬желая рука легла на его плечо. Алексей обернулся и увидел генерал-лей¬тенанта танковых войск Жезлова. Так же, как на фронте, густые брови и упрямый подбородок придавали лицу строгость, а глаза Фрола Петро¬вича и особенно короткий, широкий нос смеялись над этой строгостью, гнали ее с крупного лица
— Как, герой-капитан, тебе нравится? — лукавинка блеснула в умных глазах.— Мудро говорят братья-китайцы: «Лучше один раз уви¬деть, чем сто раз услышать». Согласен с таким изречением?
— Согласен, товарищ генерал! — Киреев пожал протянутую руку Жезлова.— А еще лучше — не просто увидеть, а самому участвовать в таких учениях.
— Вот как! — улыбающиеся глаза совсем стерли с лица строгость.— Ты, оказывается, такой же молодой и строптивый, как был.
— Какой же я молодой, товарищ генерал! Когда мы с вами встрети¬лись, тогда действительно...
— Ну, не старься, слегка упрекнул Жезлов Киреева.— Я чуть ли не вдвое старше тебя и то чувствую себя молодым. А что встречи не забыл — это хорошо. Помнишь, нам говорили: «Близок Локоть, да не укусишь».
Бой, о котором напомнил генерал, происходил в конце лета 1943 года. Вблизи железнодорожной станции Локоть танкисты встретили ожесточенное сопротивление врага, который рассчитывал на этом сильном узле «бороны задержать стремительное наступление наших механизированных частей. Жезлов решил послать в дальний обход станции ночную развед¬ку, нащупать слабые места обороны противника. Командир танковой бригады вызвал тогда Киреева к генералу. Тонкий, стройный, с нежной румяной кожей лица и мечтательными глазами, появился перед генера¬лом лейтенант. Командир взвода был очень молод, и он напоминал Жезлову его сына, погибшего в первые дни войны. «Недавно из училища?» — «Так точно, товарищ генерал». — «В разведке бывали?» — «Так точно, был».— « В ночной?»- «Нет». Объяснив задачу, генерал приказал воз¬вратиться к рассвету, желательно тем же путем. «А если поселок пройти насквозь и выйти в тыл станции, вот здесь, перед вами?» — спросил лей¬тенант и провел прямую линию на карте с западной на восточную окраи¬ну населенного пункта. Жезлов удивленно посмотрел на офицера: «Прыт¬кий! Там в десять раз больше танков, чем у тебя. Да еще артиллерия, да пехота. Заклюют!»— «Не успеют, товарищ генерал, пройду ночью, вне¬запно».
Ночью с приглушенными моторами, без огней три танка взвода Кире¬ева, имея на бортах десант автоматчиков, просочились на стыке флангов немецких обороняющихся частей и незаметно вышли на западную окраи¬ну населенного пункта. Киреев приказал мчаться к станции, ведя непре¬рывный огонь с хода. Быстро, как ветер, летели тридцатьчетверки, громя и сминая то, что попадалось им на пути. Орудия, повернутые дулами на восток, малоповоротливые немецкие танки выводились из строя метким огнем и гусеницами советских машин.
Внезапное появление танков с тыла и открытый по приказу Жезлова артиллерийский огонь с востока ошеломил немецких солдат и офицеров. Каждому чудилось, что он попал в окружение. Бросая огневые позиции, орудия, они стали отходить. Танковый батальон ворвался в населенный пункт и почти без потерь завершил удачно начатый разведчиками ночной бой. Чтобы не дать врагу закрепиться в ближайших населенных пунктах, две танковые роты немедленно стали преследовать его. Взвод Киреева пошел на Монастырскую рощу, в тот самый лес, где советские танкисты увидели растерзанных фашистами людей, где Киреев со своими разведчи¬ками спас от смерти детей, женщин, стариков, где он впервые увидел свою Наденьку и Сашка!
— Ты встречал после войны ту девушку из Монастырской рощи?— спросил генерал, вспомнив, как в то солнечное летнее утро перед ним в лесу предстали босая, в разорванной рубашке девушка и Алексей Кире¬ев, который за один час пребывания в этой роще повзрослел на несколько лет.
— Жена...— тихо ответил Алексей.
- Как? генералу показалось, что он ослышался или не понял капи-I тана.
— Мы поженились.
— А где тот мальчик, которого ты ей поручил?
— Перешел в восьмой класс. И девочка еще есть у нас, семи лет.

— Ух, каков!— генерал по-отечески -гордо глядел на Киреева и вдруг спросил:—А с квартирой ты устроен?
— Пока еще на частной.
— Почему?
Алексея подмывало рассказать о несправедливости Мякинина, но он подумал, что здесь не место для жалоб и просьб.
— Не знаю, видать, не заслужил...
— Скажешь тоже!— нахмурился генерал.— Скоро буду у вас, разбе¬русь.
Передовой отряд вошел в прорыв и успешно начал преследование «противника».Чем дальше на юг, тем чаще встречались заболоченные участки, боль¬шие лесные массивы, где были устроены завалы. Поднимался и густел туман, резко ухудшалась видимость. «Противник» бросал в контратаки пехоту, ставил в засадах орудия на прямую наводку, и передовому отря¬ду, особенно головной роте капитана Киреева, несколько раз пришлось развертываться в боевой порядок. К полудню головной дозор передового отряда в составе взвода старшего лейтенанта Чумака вошел в район поч¬ти сплошных болот. Туман был еще более плотным, его прорезали сере¬бристые прерывчатые нити. Начался дождь.
Танки двигались уступами. Вести машину, видя только скос кормы другого танка, было необычайно трудно. И все же Сочнев мог позавидо¬вать остальным механикам. Они ориентировались на силуэт машины, а он вел головной танк почти на ощупь, еле различая местность на два-три метра впереди себя.
Чумак вертел прибор наблюдения во все стороны, но ни по каким приз¬накам не мог обнаружить отходящего «противника». Он ускользнул из поля зрения, когда взвод задержался с разбором лесного завала. Еже¬минутно взвод рисковал натолкнуться на засаду танков, на орудия пря¬мой наводки и, что было еще хуже, загрузнуть в этом липком, засасыва¬ющем грунте. Киреев же по радио требовал двигаться быстрее и еще до подхода к ближайшей роще войти в соприкосновение с отступающими подразделениями.
Чумак разрешил механику-водителю раскрыть лобовой люк, Сочнев ухватился за защелку, но тут же отдернул руку: «В дозоре с раскрытым люком нельзя ходить»,— вспомнил он. Но косой дождь так сильно залил триплекс водой, глаза до того нестерпимо резала боль, опасность застрять была настолько велика, что механик не мог не воспользоваться разреше¬нием командира. Он надел очки и снова взялся за защелку. Крышка лю¬ка откинулась, видимость сразу увеличилась.
Машина пошла быстрее. Брызги дождя освежали разгоряченное лицо механика-водителя. Но, если Сочнев мог бы взглянуть назад, он немед¬ленно захлопнул бы люк.
Легкий газик-вездеход обогнал дозор. Красный флажок настойчиво сигналил: остановить танк. Отъехав еще немного, Сочнев выключил мо¬тор и вместе с Джавахадзе и Зарембой с тревогой стал прислушиваться к разговору генерала Жезлова с Чумаком.
—Вы допустили грубейшую ошибку, раскрыв люк,— сказал гене¬рал.— Механик-водитель убит. Ваше решение?
Чумак стоял перед генералом, как школьник-двоечник на экзамене, неспособный решить задачи. «Кто сумеет при таком ненастье провести с закрытым люком танк через болото? С другого танка не снимешь меха¬ника. Джавахадзе плохо ведет машину и по накатанной трассе. Самому взяться за рычаги — значит отказаться от управления дозором, от кру¬гового наблюдения, от связи с командиром роты и другими экипажами. Да и генерал отвергнет такое решение. Кто же?»
Чумак знал: стоит ему помедлить, и генерал может его самого вывес¬ти из строя. «Что делать?» И словно в ответ через лобовой люк машины вылетел решительный возглас:
— Я поведу танк! Я, заряжающий Заремба!
До этой минуты постоянная неприязнь к солдату мешала Чумаку вспомнить, что Заремба больше всех занимался вождением. Но и сейчас ему трудно было побороть недоверие к заряжающему. Между тем в гла¬зах Жезлова загорелась насмешка. Она была страшнее всех вводных и всех грозных его слов. Надо было, не медля ни секунды, выбрать: либо лишиться уважения генерала, либо сдаться Зарембе.
— Заводи!— крикнул Чумак. В мгновение ока он был на башне, опустился в танк, захлопнул крышку люка. Рация осталась стоять на связи с командирами машин его взвода. Он приказал им развернуть орудия влево и огнем с места «уничтожить» контратакующие танки. На том месте, где Сочнев заглушил мотор, была более надежная, твердая почва. Отсюда можно было, не боясь загрузнуть, трогать дальше или развернуть машину. Это помогло Зарембе. Он осторожно, не делая большого круга, повернул танк на запад и тронулся плавно, без рывков. Его непривыкшему глазу все по ту сторону триплекса сперва

казалось серой массой. Вглядываясь, Заремба стал различать местность метра на два впереди себя. Дождь, видимо, утихал, на стеклах смотрового прибора больше не появлялись мутные ручейки, не мешали водителю. Все же он вел танк осторожно, на одной передаче.
Как только взвод вышел к квадрату, указанному командиром роты, Чумак приказал экипажам остановиться, замаскировать танки в роще, произвести технический осмотр. Заремба вышел из машины, хотел пройтись для разминки, но отяжелевшие ноги не слушались, в голове неумолчно стоял гул мотора, а свет казался необыкновенно ярким.
— Друг, Васа, спасибо, выручил! На черном, худом лице Джавахадзе был восторг. Огромные глаза с длинными ресницами, белые матовые зубы, измазанный
нос с горбинкой — все смеялось, радовалось, благодарило товарища. — Тебе бы стаканчик кахетинского выпить. Ей-богу, заслужил, бочо¬нок целый заслужил! — А как ты один стрелял? Кто заряжал? — интересовался Заремба. И он услышал из уст наводчика историю о мнимом покойнике,
которая вы¬звала сперва улыбку, а затем его искренний смех. — Только ты в это болото заехал — сам заряжал, сам стрелял. Потом вижу,— Джавахадзе присел, вытянул руки с тонкими пальцами, представ¬ляя, как это происходило, — вижу, покойник Сочнев ползет. Прямо пол¬зет мне под ноги. А я снаряд в руках держу. Думаю, встанешь, по голове дам, чтобы живых не тревожил. Смотрю — поднялся. Я схватил его за грудки, кричу: «Сгинь! Тебе жить немножко рано!» Но разве партийный человек может мертвым быть, когда такая пальба началась! Заремба представил себе картину, которая происходила за его плечами. И хотя он знал, что Шота разговор в танке только что приду¬мал, но характеры и поступки товарищей он узнавал. Они были без прикрас. -Строгий старшой у нас стал, ух, какой строгий! Все, как надо, приказ генерала выполнил. За пятерых работал. Тебе командует, с танками взвода говорит, капитану Кирееву рапортует, за меня стреляет, а еще думает, как окружить, подавить, уничтожить противника. Понял? Григорий Сочнев давно вышел из танка и стоял за спиной Джавахад¬зе. Он терпеливо ждал, пока у Шоты иссякнет желание поговорить. Но, чувствуя, что его рассказам не будет конца, подошел к Зарембе, по-братски обнял его широкие плечи и прижал солдата к себе.

Государственное бюджетное учреждение культуры "Редакция журнала "Урал".
Учредитель – Министерство культуры Свердловской области
Свидетельство о регистрации №225 выдано Министерством печати и массовой информации РСФСР 17 октября 1990 г.

Журнал издаётся с января 1958 года.

